В плену боли.

ВЕЧЕРИНКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Любовь Попова

18+

Любовь Попова

Вечеринка. В плену боли

«Автор»

2026

Любовь Попова

Вечеринка. В плену боли / Любовь Попова — «Автор», 2026

Он — парень моей старшей сестры. Холодный, опасный, чужой.Я пообещала себе никогда не смотреть в его сторону и хранить свою глупую влюблённость в тайне. Я бы и дальше держала слово, если бы не вечеринка на острове, куда я попала по чистой случайности.Здесь девушек держат в клетках. Здесь развлекаются люди, чьи лица мелькают по телевизору. Здесь бесполезно звать полицию: она давно куплена. А всё вокруг принадлежит Каневскому, человеку, который никого не щадит.Когда мне требуется помощь, помочь может только он. Наследник Каневского. Его правая рука. Парень моей сестры.Но плата, которую он требует, кажется невозможной.Я готова отдать всё, лишь бы выбраться отсюда и спасти тех, кто попал в ловушку вместе со мной. Вот только в мире, где власть пахнет кровью, у каждой сделки есть подвох. И чем дольше я ему верю, тем страшнее понимать: возможно, одно чудовище просто сменит другое.Тёмный роман о власти, предательстве и запретных чувствах.

© Любовь Попова, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 24
Глава 10 27
Глава 11 30
Глава 12 33
Глава 13 35
Глава 14 39
Глава 15 42
Глава 16 45
Глава 17 48
Глава 18 52
Глава 19 59
Глава 20 63
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Любовь Попова
Вечеринка. В плену боли

Глава 1

Марика

— Работы няни поближе не нашлось? — голос Тимура пробивается сквозь сплошную стену ливня. Глухой и раздражённый. Меня мгновенно прошибает насквозь. Холод, от которого я последние полчаса тупо не чувствовала пальцев, разом отступает. Вместо него по коже лупит какая-то дикая, горячая волна — от шеи прямо к вискам.

И я стою дура дурой под этим дождём, не зная, от чего меня сильнее трясёт: от стыда, что он припёрся и теперь тратит на меня своё время, или от этой дебильной, неизлечимой влюблённости в парня собственной сестры. А может от любопытства, которое я никогда не смогу утолить. Потому что не понимаю, почему он тащился через весь город, чтобы меня подвезти.

— Я тебя не просила меня забирать, — выдавливаю из себя, хотя зубы стучат так, что больно.

Гордость дурацкая. Гордость меня сожрёт когда-нибудь. Вместо того чтобы просто открыть дверь машины и сесть в тепло, я продолжаю торчать на под дырявой крышей остановки. Ветер швыряет мокрые, тяжёлые пряди прямо в глаза, вода течёт за шиворот, а я упрямо вскидываю подбородок:

— Автобус должен скоро приехать. Передай Каринке, что ты просто меня тут не застал.

Дверь иномарки распахивается шире, и я даже через эту пелену воды физически чувствую, как от него фонит злостью. Почти осязаемо.

Я вообще за эти недели наизусть выучила все его состояния — Тим может сидеть с абсолютно каменным лицом, ни один мускул не дрогнет, а я внутри кожей ощущаю, как его клинит.

А ещё я знаю, что когда он улыбается... по-настоящему улыбается, редко так, на правой щеке появляется дурацкая ямочка. И когда это случается, у меня внутри всё просто в хлам разносится.

Сердце тупо готово на куски порваться.

И самое паршивое — я ведь вижу, знаю, что он не любит Карину. Ни капли. Но сестре я никогда в жизни в этом не признаюсь. Смысл? Чтобы она решила, что я ей завидую или просто ревную как сумасшедшая?

— Мари.

Низко так, с этой его дурацкой, давящей интонацией. Меня передёргивает. Терпеть не могу, когда он сокращает моё имя, это его уменьшительно-ласкательное уже в печёнках сидит. Хочется заорать на всю улицу, чтобы он заткнулся и не смел меня так называть, что меня зовут Марика и никак иначе.

Но я только мотаю головой, сжимая кулаки в карманах.

— Не хочу тебя напрягать.

— Меня сильно напряжёт, если завтра я обнаружу тут твой хладный труп, — Тим кривит губы в этой своей привычной манере, от которой хочется его стукнуть. — А я как бы последний, кто тебя живой видел.

— Мне не нужны твои одолжения.

— Да и похрен, — фыркает он.

Резкий рывок руки, дверь захлопывается с глухим, глушащим звуком, и машина срывается с места. Колёса шлифуют мокрый асфальт, и меня с ног до головы обдаёт ледяным веером из грязной лужи.

— Придурок! — ору я вслед, хотя Тим уже сто процентов не слышит.

Достаю телефон, экран моментально заливает водой, пальцы не слушаются, тыкаю в приложение автобусов. Обычно мне такси оплачивает работодатель, иначе я бы не стала так далеко работать от общежития, но в этот раз они уехали, а мать хозяина просить было страшно.

Дождь усиливается, плащ уже промок насквозь, тяжёлый, липнет к телу.

И тут кто – то рядом чихает и до меня доходит неприятный запах сигарет.

Я на этой остановке не одна.

Двое мужиков.

Из ниоткуда вообще взялись. Внутри неприятно ёкает.

— Давно ждёшь? — один из них подаётся вперёд.

От него так несёт перегаром и дешёвым куревом, что меня едва не выворачивает. Я инстинктивно отсаживаюсь подальше, мотая головой.

— Вот-вот автобус должен подъехать.

— Замёрзла, наверное, девчонка, — впрягается второй. Осматривает меня так, словно я вещь какая-то на витрине. Мерзко. — Подсаживайся ближе, теплее будет.

Я заставляю себя посмотреть им прямо в лица. Страх накатывает такой душной, липкой волной, что дышать становится трудно. Я сильнее кутаюсь в мокрый плащ, будто он меня спасти может.

— Спасибо, я не замёрзла.

Они зачем-то смотрят друг на друга. Коротко так, придурковато ухмыляясь, будто сговариваются. Всё, предел. Я резко разворачиваюсь и выхожу из-под дырявого навеса прямо под ливень. Плевать на воду. И какая же я была идиотка, Тим ведь звал... Сейчас его машина кажется мне лучшим местом на земле, и не важно, что меня бы рядом с ним трясло не от холода.

— Ну а мы замёрзли, — они поднимаются со скамейки одновременно, шагая за мной. — А ты единственная, кто может нас сегодня согреть.

Я пячусь по мокрому бордюру.

Да ладно, не будут же они... Прямо на остановке? Или будут?

— У нас тут машина рядом, там тепло. Пойдём.

— Спасибо, но я не хочу! — голос срывается, звучит жалко, по-детски.

— А мы больше не спрашиваем.

Один из них резко выкидывает руку и с силой вцепляется мне в плащ, дёргая на себя.

У меня внутри будто предохранитель взрывается. Откуда только силы берутся — я разворачиваюсь и с размаху хлыщу его по роже ладонью. Звук выходит хлёсткий, громкий. Но в ту же секунду в ответ мне прилетает такой удар в челюсть, что в глазах темнеет. Голова кружится, земля уходит из-под ног, в ушах противный, пищащий шум.

Я тупо валюсь в руки второго, ноги не держат, ватные.

— Сама в руки упала, милашка, — слышу над ухом его довольный, сальный голос. Меня куда-то тащат, ноги волочатся по асфальту, а перед глазами — грёбаный салют из звёзд.

Нельзя. Нельзя отключаться, надо что-то делать, иначе всё, хана. Они тащат меня, думая, что я полностью обмякла.

Пальцы еле двигаются, но я нащупываю пуговицы плаща. Первую, вторую... Расстёгиваю судорожно, ломая ногти.

И когда один из них чуть ослабляет хватку, я резко, со всей силы выворачиваюсь из рукавов, оставляя плащ у них в руках, и топлю вперёд.

Бегу вслепую, прямо по дороге, под дождём. Вода заливает глаза, лёгкие горят так, будто я осколки глотаю.

А сзади — этот чёткий, страшный звук: тяжёлые ботинки бьют по мокрому асфальту.

Догоняют.

Фары редких машин слепят, я бегу навстречу свету, задыхаясь.

И вдруг прямо перед ними, перерезая им путь, с диким визгом тормозов влетает тёмная машина.

Перегораживает дорогу намертво.

Я торможу, хватаясь за колени, пытаюсь вдохнуть, оборачиваюсь и вижу, как из салона пулей вылетает Тимур.

— Проблемы, ребят?

Голос ровный, даже слишком спокойный, но от этого звука у меня колени подгибаются.

— Никаких проблем, отвали.

— Сам бы от девушки отвалил, — бросает Тим.

Я стою за машиной, меня трясёт крупной дрожью, смотрю на них через стекло, по которому потоками течёт вода.

Один из мужиков дёргается, пытается толкнуть Тимура в грудь — и в следующую секунду с глухим шлепком летит спиной прямо в лужу.

Второй бросается следом, но Тим перехватывает его как-то совершенно легко, неуловимо, и просто перекидывает через плечо, впечатывая прямо в первого.

Из грязи доносится только сдавленный мат и стоны.

Тимур поворачивается ко мне. Взгляд тяжёлый, злой, прошибает насквозь.

— Всё ещё хочешь дождаться автобуса?

Я только головой мотаю.

Сил говорить нет вообще. Обхожу капот, дёргаю дверь и буквально вваливаюсь в душный, тёплый салон.

Следом на заднее сиденье летит мой мокрый плащ — Тим подобрал.

Он прыгает за руль, машина срывается с места так, что меня вжимает в сиденье. Центральный замок щёлкает. Всё, закрыты.

— Они бы ничего мне не сделали, — зачем-то сиплю я, глядя в окно на серую темень. Зачем я это несу? Гордость дурацкая, чтоб её. — Просто напугать хотели...

Тимур молчит. Лицо как из камня высечено, желваки ходят. Он только сильнее давит на газ, скорость бешеная. А потом, даже не повернувшись ко мне, отрезает:

— Раздевайся.

***

Глава 2

— В смысле? — у меня внутри всё аж колом встаёт.

Что он, вообще имеет в виду? В голове моментально прокручиваются самые паршивые сценарии.

— Если ты считаешь, что за своё спасение я сейчас собираюсь тебе отдаться, то ты…

— Да больно надо, — грубо перебивает он, и в его голосе столько ледяного пренебрежения, что меня словно по роже размазывает. — Вряд ли ты умеешь в постели хоть что-то, чего не делает твоя опытная сестра. Раздеться надо, чтобы не заболеть.

Он, даже не глядя на меня, слепой рукой тянется назад, выуживает откуда-то свою огромную трикотажную кофту и просто швыряет её мне на колени. Тяжёлая, тёплая ткань падает на мои мокрые джинсы.

— Прямо тут? — тупо уставлюсь на него, чувствуя, как щёки начинают гореть.

— Можешь и тут, если хочешь что – то мне показать. Можешь на заднее сиденье пересесть, — хмыкает Тим, бросая быстрый взгляд в боковое зеркало. — Смотреть у тебя там всё равно не на что.

Каждое слово — как под дых.

Ну да, конечно. Куда мне до шикарных, идеальных форм Мальвины. На её фоне я со своей худобой вообще смотрюсь как угловатый пацан-подросток.

Никакого сравнения.

Но Тим прав: если я прямо сейчас не скину эту ледяную, насквозь пропитанную водой одежду, то гарантированно схвачу какую-нибудь фигню, типа ОРВИ. А мне болеть нельзя, вообще некстати — на носу финальные экзамены, к которым я месяцами зубрила материал. Да и с работы выпрут за прогулы, а деньги мне нужны позарез.

Я шумно вздыхаю, отстёгиваю ремень и начинаю неуклюже, цепляясь коленями за пластик панели, перелезать между передними сиденьями назад. Ткань джинсов липнет к коже, мешает двигаться, я чертыхаюсь про себя.

И надо же было такому случиться именно в этот момент! Машину резко, ощутимо ведёт в сторону на скользком повороте. Я теряю равновесие, заваливаюсь вперёд, и моя задница оказывается в каких-то непозволительных паре сантиметров от лица Тимура. Меня аж волной жара обдаёт от макушки до пяток.

— Ой… прости, — вспыхиваю до корней волос, торопливо проваливаясь на задний диван.

— Бог простит, — сухо отрезает он, чётким движением выравнивая руль. — Давай живее там, а то будет крайне неловко, если на камерах отобразится твоя мокрая жопа.

Кое-как усаживаюсь в относительной темноте заднего сиденья.

Пальцы онемели, дрожат так, что пуговицы блузки тупо не поддаются.

Кожа липкая, мокрая ткань намертво пристала к телу. Кое-как, с трудом стягиваю её через голову и бросаю на коврик.

Время от времени я испуганно вскидываю глаза на зеркало заднего вида — и готова поклясться на чём угодно, что Тим пару раз ловил мой затравленный взгляд через зеркальную поверхность.

Становится до смерти стыдно.

Хотя… я тут же одёргиваю себя.

Он прав, чёрт возьми.

Вряд ли его искушённое внимание сможет привлечь мой простенький белый лифчик, в котором нет даже намёка на пуш-ап или поролон. Обычное девичье бельё.

Так что я решительно отворачиваюсь к нему спиной, быстро расстёгиваю крючки, скидываю его и мгновенно ныряю головой в его огромную кофту. Тёплая, сухая ткань приятно ласкает замёрзшую кожу. Хочу уже сесть нормально, думая, что на этом мучения окончены, когда с переднего сиденья доносится его ровный, не терпящий возражений голос:

— Остальное тоже снимай.

Я недовольно морщусь, зубы сжимаю от обиды, но спорить сил просто нет. Кое-как, извиваясь на кожаном диване, стягиваю тяжёлые, облепившие ноги джинсы вместе с мокрыми трусами. Кожа горит от прохладного воздуха в салоне. Наощупь достаю из своего рюкзака полиэтиленовый мешок для обуви и судорожно, с остервенением закидываю все сырые вещи туда, завязав на тугой узел.

Его кофта на мне висит как мешок, доходит почти до колен, надёжно скрывая всё тело. Но самое невыносимое — это запах. Терпкий, чисто мужской аромат его дорогого парфюма и кожи буквально пропитывает мои рецепторы, кружа голову сильнее, чем недавний удар в челюсть.

Кондиционер кочегарит на полную мощность, в салоне становится по-настоящему тепло. Внутри этой огромной кофты мне уже кажется жарко, меня начинает мелко потряхивать от какого-то дикого, запретного тепла.

Я закрываю глаза, вжимаюсь спиной в сиденье и буквально растворяюсь в этом сладком ощущении: грубая ткань трётся о мои голые плечи, и мне, дуре, кажется, будто это сам Тимур крепко и надёжно обнимает меня, стараясь согреть своими руками. Прижимает к себе так, что не вздохнуть.

— Тимур, — тихо зову его.

— Ну? — отзывается он, не отрывая взгляда от залитой дождем трассы.

— Спасибо тебе.

— Спасибо на хрен не натянешь, — его низкий голос с переднего сиденья звучит как удар хлыстом, мгновенно сбивая с меня всю минутную благодарность. Тим делает короткую паузу, бросая на меня быстрый, сканирующий взгляд через зеркало. — Скажи, мелкая, а если бы выбор стоял так: остаться там, с теми ублюдками на остановке, или всё-таки лишиться девственности со мной… Что бы ты предпочла?

Глава 3

Опять он это делает, провоцирует непонятно на что...

Внутри всё завязывается в тугой, болезненный узел. Воздуха в лёгких разом не хватает.

— С чего ты вообще взял, что я девственница? — огрызаюсь я, упрямо вскидывая подбородок, хотя щёки полыхают так, что, кажется, в темноте видно.

— Интуиция, — хмыкает он, даже не пытаясь скрыть пренебрежительную усмешку. — Ну так что? Ответишь?

— Это тебе Карина сказала? — я судорожно цепляюсь за это имя, как за щит. — Так ей-то откуда знать? У меня были парни, понятно? Нормальные парни.

— Да-да, конечно, видел я твоих малолетних скейтеров, — перебивает Тим, и в его стальном голосе сквозит такое откровенное издевательство, что мне хочется его стукнуть. — Ты на вопрос ответь.

— Да потому что это дурацкий вопрос! — почти кричу я, сжимая кулаки до побелевших костяшек. — Я не девственница!

Зачем я упираюсь? Зачем вру напропалую, сгорая от стыда? Да лишь бы не признаваться. Ни за что на свете. Ни ему, ни себе в том, что, конечно же, из всех возможных сценариев на этой земле — с ним было бы лучше всего. От одной этой мысли внизу живота разливается глухой, запретный жар.

И вдруг машина резко, с оглушительным визгом покрышек тормозит прямо посреди пустой ночной дороги. Меня по инерции швыряет вперёд. Сердце делает дикий кувырок и падает куда-то в пятки. Паника накрывает мгновенно, до тошноты.

Дёргаю ручку задней двери — заперто. Намертво. Центральный замок заклинило.

Не успеваю я сообразить, что делать, как Тим глушит мотор. В следующую секунду он резко разворачивается всем корпусом, наклоняется назад и с тяжёлым стуком упирается широкой, мускулистой ладонью в кожаное сиденье прямо возле моего бедра.

Я замираю, боясь даже выдохнуть. Взгляд помимо воли опускается на его предплечье — я буквально гипнотизирую глазами чёткую сетку вздувшихся вен на его коже, длинные, сильные пальцы, два из которых украшены грубыми чёрными татуировками.

От него пахнет этим удушающим, дорогим парфюмом с нотками хвои, от которого у меня рецепторы плавятся. И только потом, заставив себя, я поднимаю глаза выше, окончательно утопая в его тёмных, непроницаемых омутах.

— Что… что случилось? — выдаю сипло, испуганно. — Тим, что ты делаешь?

— Люблю доказывать, что я прав, — его лицо оказывается непозволительно близко, глаза гипнотизируют. — А я почти всегда прав.

— Слишком самоуверенно, — выплёвываю я, пытаясь отползти назад, к противоположной двери, но кофта мешает, путается в ногах.

— Доказать, что ты не врешь, можно только одним способом, — тихо, почти со свистом произносит он, опускает вторую руку и резко подаётся вперёд, окончательно перекрывая мне любой путь к отступлению.

В следующий миг его горячая, жёсткая ладонь бесцеремонно ложится на моё голое колено, открытое из-под подола кофты. Кожу прошибает мощнейшим разрядом тока.

— А-а! — я вскрикиваю от неожиданности и наотмашь бью его по руке. — Отвали от меня! Я всё Карине скажу! Всё ей расскажу, слышишь? И она тебя бросит!

Тим даже не вздрагивает от моего удара. Его губы кривятся в опасной усмешке.

— Она никогда не поверит, что я предпочел тебя ей, мелкая, — обжигает он меня своим дыханием. — Скорее решит, что ты всё это сама себе нафантазировала. Потому что ты влюблена в меня по уши.

Его пальцы снова находят моё колено и сжимаются — сильно, властно, почти до физической боли. Я судорожно хватаю его за запястье, пытаясь отодрать от себя его руку, но он как каменный. Всё тело охватывает такой раскалённый, дикий жар, что в висках начинает оглушительно стучать пульс.

— Перестань… пусти! Зачем ты это делаешь?! — из глаз от бессилия вот-вот брызнут слёзы.

— Скажи мне правду, Марика, — давит он, ввинчивая свой бешеный, чёрный взгляд прямо мне под кожу.

— Да! Да! Да! — срываюсь я на крик, сдаваясь под этим удушающим напором. — Я девственница! Доволен ты теперь, придурок?!

Тим замирает. Несколько секунд он просто смотрит на меня — тяжело, сканирующе, как тогда на дороге.

— Не очень, — вдруг глухо роняет он. — Но так даже проще.

И прежде чем я успеваю осмыслить его слова, его пальцы меняют хватку. Там, где он только что сжимал кожу почти до синяков, он внезапно проводит большим пальцем — медленно, как-то до безумия нежно и плавно, опаляя лаской. А затем резко отпускает меня.

Рывок назад. Тим буквально вылетает на переднее сиденье и хлопает своей дверью с такой оглушительной, яростной силой, словно вообще хотел вырвать её с петлями.

Он тут же бьёт по газам, срывая машину с места и возвращаясь на трассу. Скорость снова бешеная.

А я остаюсь сидеть в полумраке заднего сиденья, обхватив себя руками. Меня колотит крупной дрожью. Я пытаюсь дышать, пытаюсь справиться с этим дурацким, раскалённым чувством внутри, утихомирить бешено стучащее сердце и хоть как-то привести в порядок мысли. Но в голове, как заезженная пластинка, на повторе крутится только одно его хриплое: «Не очень».

И что, чёрт возьми, это вообще могло значить?

— На вопрос ответь, — его голос звучит плоско, глухо, но от этого приказного тона у меня внутри всё вибрирует от ярости.

Он ведь не отстанет. Ломает меня, как куклу, ввинчивая свой бешеный взгляд прямо под кожу. Его пальцы продолжают давить на моё колено, и эта близость, этот контраст между его ледяным тоном и обжигающе горячей ладонью просто сводят с ума.

— Ты знаешь ответ! — срываюсь я, и голос предательски дрожит. — Тебе нравится издеваться, да? Ты что, моральный садист?!

Я пытаюсь перехватить его запястье, оттолкнуть, но Тим даже не шевелится. Он нависает сверху, перекрывая весь кислород в этой душной машине.

— На вопрос ответь, Марика, — чеканит он каждое слово, и в его глазах проскальзывает что-то тёмное, опасное, от чего сердце делает глухой удар и замирает.

Всё. Предел. Предохранители сгорают к чертям, и меня окончательно выносит.

— Да как ты достал! — кричу я прямо в его каменное лицо, окончательно швыряя свою дурацкую гордость под колёса. — С тобой! Я предпочла бы лишиться девственности с тобой! Слышишь ты?!

Глава 4

— Да я знаю. Ты псих, — выплёвываю я, вжимаясь спиной в кожаное сиденье, обхватив себя руками поверх его огромной кофты. Меня колотит крупной дрожью. — Просто больной.

— Ты даже не представляешь себе насколько, — Тим коротко, зловеще усмехается, кривя губы.

А потом всю остальную дорогу он молчит.

Молчит так, что эта тишина в машине становится тяжелее свинца. Дворники бешено размазывают потоки дождя по лобовому стеклу, кондиционер кочегарит на полную, а я сижу на заднем диване и тупо не понимаю.

Ну вот спросил он.

Допытался, вытряс из меня эту унизительную правду, растоптал остатки гордости… а теперь всё? Сейчас вот он просто затормозит, высадит меня у общаги, и дальше будет делать вид, что ничего не было? Что мы чужие?

Но Тим не просто высаживает меня.

Он глушит мотор, выходит и молча идёт следом.

Я плетусь за ним в своих насквозь промокших, противно чавкающих кроссовках.

В руках — ворох сырой, грязной одежды, из которой до сих пор капает вода. Внутри всё сжимается от паранойи: на часах глубокая ночь, и я до безумия надеюсь, что никто из комендантов или полуночных студентов не заметит нас в такое время.

— А где Карина? — не выдерживаю я, просто чтобы разбить эту удушающую тишину.

Странно, он не остался с ней до конца ее смены в клубе, где она танцует, а поехал за мной.

— Работает естественно. В поте своей жопы.

Внутри моментально вспыхивает злая, колючая обида за сестру. Каждое его слово о ней — как плевок.

— Мне кажется, ты женоненавистник, — цежу я, едва поспевая за его широкими шагами. — С чего ты взяла? Я очень люблю женщин. — Тим даже бровью не ведёт.

— Ты очень неуважительно к нам относишься. Ко всем.

— А за что вас уважать? Вы просто дырки.

Я от этих слов буквально замираю на месте, резко поворачиваясь к нему всем телом. В груди всё клокочет от возмущения.

— Это шутка? — голос срывается на сиплый фальцет.

— Когда это я шутил? — он останавливается, разворачивается ко мне, и его взгляд в темноте лестничного пролёта кажется абсолютно мёртвым.

— А как же твоя мать?! — выкрикиваю я, теряя всякие тормоза. — Она тебя родила! Даже её ты не уважаешь?!

Что-то меняется в одну секунду.

Воздух вокруг словно взрывается.

Тим делает молниеносный, звериный выпад вперёд. Его пальцы жёстким, железным кольцом обхватывают моё горло и буквально припечатывают меня спиной к каменной стене у лестницы.

Выбивает весь воздух из лёгких. Ворох мокрой одежды с глухим стуком валится из моих рук на пол.

— Никогда не упоминай при мне эту суку, — хрипит он прямо мне в губы, нависая всем своим тяжёлым, массивным телом.

Его лицо сейчас — страшная, искажённая яростью маска. Глаза — два чёрных, бешеных омута, в которых не осталось ничего человеческого. Он сжимает пальцы сильнее, вжимая меня в штукатурку.

— Она меньше всех достойна не то что уважения… жизни.

— Тим… я задыхаюсь, — хриплю я, судорожно пытаясь ухватиться пальцами за его каменное запястье. Бесполезно. Его рука как литой штырь.

Я физически чувствую, как он полностью теряет контроль. Всё. Нет больше хладнокровного, циничного монстра, который издевался надо мной в машине.

Сейчас надо мной стоит дикое животное, чьё сознание напрочь померкло от слепой, древней ярости.

— Тим, прошу… — из глаз от ужаса и нехватки кислорода брызгают слёзы. — Вы только это и можете — просить и умолять, — цедит он, и его пальцы вдавливаются в мою шею ещё сильнее.

— Тим…

В глазах начинают плыть жирные чёрные пятна, звуки коридора отдаляются, превращаясь в глухой гул.

Он убьёт меня. Господи, он прямо здесь, на этой затхлой лестнице, меня задушит.

Я не хочу умирать! Черт возьми, мне всего восемнадцать, у меня впереди вся жизнь, экзамены, работа…

В панике я судорожно пихаю руки в глубокие карманы его же огромной кофты, и пальцы внезапно натыкаются на что-то маленькое, холодное и металлическое.

Рифлёная рукоятка.

Нащупываю кнопку, нажимаю — короткий щелчок выдаёт перочинный ножик. Мозг отключается, работает чистый инстинкт самосохранения.

Я выдергиваю руку из кармана, раскрываю лезвие и наотмашь, вслепую замахиваюсь, целясь куда-то в его сторону.

Острый металл полосует по его предплечью.

Тим тут же выпускает моё горло.

Отшатывается на шаг, шумно дыша, и тупо смотрит на свою руку, по которой моментально начинает расплываться тёмное пятно.

Я, не помня себя от ужаса, швыряю нож на бетонный пол.

Хватаю ртом воздух, лёгкие жжёт огнём.

Разворачиваюсь и на ватных, подкашивающихся ногах взлетаю по лестнице на третий этаж, к своей комнате.

Сердце лупит в рёбра так, что больно. Долетаю до двери — закрыто.

Руки дрожат крупной дрожью, я судорожно сдёргиваю с плеча рюкзак, лезу внутрь, выуживаю ключ. Пытаюсь вставить его в замочную скважину, попадаю со второго раза, проворачиваю, распахиваю дверь, хочу скорее влететь внутрь и запереться…

Но между проёмом и дверью с глухим стуком встаёт его тяжёлый ботинок.

— Уйди! — в панике вскрикиваю я, наваливаясь всем весом на дверь, пытаясь её захлопнуть.

Куда там. Тим просто толкает её одной рукой, без видимого усилия, и дверь с грохотом распахивается, едва не сбивая меня с ног. Он входит следом.

В темноте комнаты его силуэт кажется ещё огромнее. Он несёт мои мокрые вещи, которые подобрал на лестнице, и небрежно бросает их комом прямо на пол.

Он уже разворачивается, чтобы уйти, когда луч лунного света из окна выхватывает его руку. С его запястья на линолеум с тихим, весомым звуком падает тяжёлая багровая капля. Первая. Следом вторая.

— Тим… у тебя кровь, —говорю сипло. Обида и страх куда-то испаряются, уступая место дурацкому, чисто девичьему испугу.

— И? — он останавливается у порога, не поворачивая головы.

— Давай я хоть обработаю.

— Я чуть не убил тебя секунду назад, — Тим медленно оборачивается, и на его губах снова играет эта жуткая, ледяная усмешка. — А ты мне хочешь рану обработать? Сестра милосердия.

— Я просто предложила, — я упрямо вскидываю подбородок, пряча дрожащие ладони в рукава кофты. — Не хочешь — валяй, истекай кровью дальше.

— Ладно, — вдруг выдыхает он. – Посмотрим, что ты еще умеешь, кроме как людей калечить.

Глава 5

Тим проходит вглубь комнаты и тяжело садится на мою кровать. Я невольно сжимаю зубы от какого-то странного, болезненного укола внутри. Ведь он мог сесть на кровать Карины — на ней он спал много раз, вернее… не спал. Они занимались там совсем другим. А здесь, на моей узкой постели, он не сидел никогда.

Он вытягивает вперёд раненую руку. Я тянусь к выключателю.

— Не включай, — резко обрывает Тим. Голос низкий, вибрирующий. — Люблю, когда темно.

— Ты вампир, что ли? — пытаюсь усмехнуться, но выходит жалко и нервно.

Наощупь достаю из шкафчика маленькую пластиковую аптечку, возвращаюсь и сажусь на край кровати рядом с ним. Так близко, что чувствую исходящий от него жар. Мои пальцы трясутся. Я открываю бутылёк, обильно наливаю перекись на ватный диск и аккуратно промакиваю глубокий порез на его предплечье. Перекись яростно шипит, вскипая белой пеной. Рана глубокая, края разошлись.

— Тут бы зашить, вообще-то, — тихо говорю я, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Херня, — отрезает он, даже не поморщившись.

— Ну конечно. Ты же у нас большой и сильный, что тебе какой-то шрам, — во мне снова просыпается злая дерзость. Я аккуратно стираю кровь вокруг пореза. — Я ведь могла вену задеть, Тим. Тогда обрабатывать было бы уже поздно.

— Если бы я умер, у тебя бы не было шанса меня возненавидеть, — тихо, почти интимно роняет он.

— За то, что ты вышел из себя?

— Если бы.

— Не понимаю я тебя.

— Забей.

— Отличный совет, — ворчу я, туго накладывая марлевую повязку на его сильное, мускулистое предплечье. Закрепляю пластырем. — Тебе обязательно всегда разговаривать загадками?

— Так девчонки лучше ведутся.

Каждое слово — как иголка под ногти. Сердце делает болезненный кувырок.

— Ну, меня-то тебе не нужно влюблять в себя, — выплевываю я, пытаясь задеть его в ответ.

— Точно, — Тим глухо, как-то совсем невесело хмыкает, наклоняясь ближе. Его дыхание обжигает мою шею. — Ты и сама успешно это сделала. Без моего участия. Дура.

Внутри всё вспыхивает от унижения и этого невыносимого, запретного тепла.

— Спасибо нужно сказать, — перевожу тему, лишь бы не смотреть на его губы.

— За то, что прорезала меня?

— За то, что не бросила истекать кровью в темноте, болван.

— Так я не просил.

— Господи, ты просто невыносим, — я качаю головой, чувствуя, как дыхание становится прерывистым. — Как только Карина терпит такое отношение?

— Я отлично трахаюсь, — беззастенчиво и грубо роняет он в тишину комнаты. — Это компенсирует мой характер.

Меня словно обухом по голове бьют. Мерзко. Больно. Но наши бёдра сейчас так близко, ткань его кофты на мне трётся о его джинсы, а он не уходит. Сидит, нависая надо мной в полумраке. Мне бы выгнать его прямо сейчас, закричать, указать на дверь… но рядом с ним так бешено, лавиной тепло. И мне до какого-то ментального ужаса, до дрожи в поджилках любо-

пытно: что, чёрт возьми, произошло в его грёбаном детстве? Почему он так люто ненавидит свою мать? И всех женщин? И меня…

— Ну что, Мари… — его голос падает до хриплого, опасного шёпота. — Хочешь, скажу тебе спасибо?

Тим медленно, весомо опускает свою широкую, горячую ладонь на моё голые колено под краем кофты. Кожу моментально прошибает мощнейшим разрядом тока. Но я даже не дергаюсь. Не отталкиваю его. Словно тело предало меня, словно я уже привыкла к этим его резким, собственническим касаниям, словно так и надо. Господи, что я творю? Я же уничтожаю себя.

— Хочешь? — его пальцы едва заметно сжимаются, посылая волны жара прямо в низ живота.

Хочу. Всё внутри дрожит, плавится и кричит от того, как сильно я этого хочу. До безумия. До тошноты.

— Хочу… — выдавливаю я сипло, глядя в его тёмные, гипнотизирующие глаза. Набираю в лёгкие остатки воздуха и заставляю себя договорить: — …чтобы ты ушел.

— Врешь, — его губы кривятся в уверенной, хищной усмешке.

— Вру, — честно признаюсь я, теряя последние силы сопротивляться. — Но тебе правда лучше уйти.

Его рука медленно, плавно двигается выше по бедру, сминая и приподнимая край его собственной трикотажной кофты. Мужские пальцы обжигают замёрзшую кожу.

— Давай я тебя изнасилую, — тихо, вкрадчиво предлагает он, и в этой его жуткой, порочной фразе сквозит какая-то извращённая забота. — Ты посопротивляешься для вида. Зато не будешь чувствовать себя виноватой перед сестрой.

И самый главный, разрывающий душу ужас в том, что он чертовски прав. Ужас в том, что я в эту секунду, закрывая глаза, почти готова согласиться. Готова сгореть, предать всё, лишь бы это тепло не прекращалось.

И тут в тишине комнаты оглушительно, как набат, взрывается резкая трель его телефона.

Экран мобильника на его ремне ярко вспыхивает, разрезая темноту. Я опускаю взгляд и чётко вижу на дисплее улыбающееся лицо собственной сестры. Крупными буквами: «Карина».

Это срабатывает как ледяной душ. Отрезвляет мгновенно, до боли в груди.

Я резко, с силой сбрасываю его руку со своего колена, вскакиваю с кровати и, едва не спотыкаясь, пулей вылетаю из комнаты в тёмный коридор. Сердце колотится где-то в горле. Через пару метров — общая ванная. Я залетаю туда, захлопываю дверь и щёлкаю хлипкой задвижкой.

Вжимаюсь спиной в холодный кафель, тяжело, со всхлипами дыша в темноте. Сползаю по стене на пол и закрываю лицо руками.

Я прячусь здесь. И самое страшное — я прячусь не от него, не от его безумия и похоти. Я прячусь от самой себя. От своих собственных, ломающих меня изнутри желаний.

Глава 6

Карина возвращается под утро.

Я не сплю — лежу неподвижно, натянув одеяло до самого подбородка, и слушаю, как в пустом коридоре общежития раздаётся знакомый, чёткий цокот её высоких каблуков.

Зажмуриваюсь, пытаясь обмануть саму себя, но уснуть в эту ночь я так и не смогла.

В голове сплошная каша.

Стоит закрыть глаза, как перед мысленным взором вспыхивает темнота салона его машины, липкий страх, а потом — глухие удары сердца и это дурацкое, лишающее воли чувство вины перед сестрой. И вместе с ним — сосущая пустота от мысли, что я упустила что-то невероятно сладкое.

Слышу, как тихо щёлкает замок, и Карина заходит в комнату.

Она в отличном настроении — что-то тихонько напевает себе под нос, шуршит пакетами. В полумраке я вижу, как она небрежно, одним движением скидывает шмотки прямо на пол.

Сестра никогда не утруждала себя уборкой, её это вообще не колышет: где сняла, там и бросила. Так что если мне хочется жить в чистоте, а не в свинарнике, приходится со всем справляться самой — брать тряпку, веник и отмывать комнату.

Нет, нет, я не жалуюсь, мне вообще не трудно убраться. Тем более что Карина всегда, сколько я себя помню, меня защищала.

Мы ведь с ней с самого детства без родителей остались, вдвоём против всего мира.

Когда нас после смерти родителей хотели разделить, меня уже планировали отдать в приёмную семью, Карина устроила настоящую истерику.

Она вцепилась зубами в нос моего потенциального нового папаши, кричала так, что стены дрожали.

В итоге нас оставили вместе. Мы всегда были лицом к лицу с любыми проблемами.

бюКогда на улице случалась драка с местной шпаной, именно она без раздумий шагала вперёд и брала первые, самые тяжёлые удары на себя, закрывая меня спиной. Я, конечно, тоже могу за себя постоять, характер имеется, но именно Карина способна стерпеть абсолютно любую боль и никогда, ни при каких обстоятельствах не заноет.

Она постоянно повторяет, что это временные трудности. Говорит, что скоро мы сможем купить себе нормальные квартиры, разъехаться и больше никогда не ныкаться по этим облупленным, пропахшим дешёвой едой общежитиям. И я очень, просто до безумия хочу помочь ей в этих планах, стать надёжной опорой. Поэтому учусь на бухгалтера как проклятая, зубрю английский по ночам, работаю каждый день без продыху. По сути, сейчас она пашет на износ, чтобы я могла спокойно получить высшее образование.

Сама Карина универ так и не потянула, не смогла поступить, но она никогда не переживала по этому поводу.

Особо остро это чувствуется теперь, когда в её жизни появился Тимур Хантер.

Она привела его к нам в общагу месяц назад.

Помню, как мне пришлось почти час сидеть в холодном коридоре на подоконнике и слушать их громкие, откровенные стоны за тонкой дверью.

Мне он сразу, с первой секунды не понравился. Тим вообще кардинально отличался от всех тех смазливых, простых парней, с которыми она встречалась раньше. В нём чувствовалась давящая, жёсткая сила.

А после ночи я окончательно поняла, что он не просто крутой парень — он по-настоящему опасен. Но как сказать об этом сестре, как открыть ей глаза, я понятия не имею.

Она ведь влюблена по уши.

— Систер, ты не спишь что ли? — раздаётся её сонный голос.

Она словно чувствует моё напряжение на расстоянии.

Карина подходит к моей постели и бесцеремонно откидывает край одеяла, садится прямо на матрас. От неё пахнет дорогим алкоголем, табачным дымом и тяжёлым парфюмом.

В утреннем сером свете её с трудом можно узнать из-под размазавшегося вечернего макияжа: тушь слегка потекла, помада стёрлась, но она всё равно выглядит великолепно.

Настоящая порочная королева.

— Как ты добралась-то вчера? — спрашивает она, разглядывая меня. — Писала же, что автобусов нет, всё заблокировано из-за ливня. Я только по пути домой твоё сообщение в телефоне увидела.

В груди всё сжимается от резкого укола паники. Я смотрю на неё, и язык буквально прилипает к нёбу. Я хотела было сказать правду…

Я правда думала, что она сама же отправила своего Тимура меня искать.

Откуда он тогда знал? Откуда узнал, на какой именно остановке я стою? Зачем вообще поехал в эту глушь среди ночи, если его никто не просил?

— Потом приехал автобус, — впервые в жизни я гляжу сестре прямо в глаза.

Внутри всё переворачивается, я чувствую себя просто конченой тварью.

— Как работа?

— Прекрасно! — Карина довольно закидывает голову, её глаза блестят. — Знаешь, Тим вчера поговорил с управляющим клуба, надавил на кого надо, и меня теперь поставили первым номером в смену. Там совсем другие бабки, Мари, просто космические. Так что держи в нашу копилку на жильё, — она небрежно сует мне в руки плотную, перевязанную резинкой пачку красных пятитысячных банкнот.

Я тупо уставлюсь на эти деньги, пальцы ощущают их тяжесть.

— Ого… так много?

— Говорю же тебе, — фыркает она, поднимаясь с кровати. — Там в вип-ложах одни богачи сидят, деньгами швыряются.

Внутри меня что-то болезненно ёкает. Я перевожу взгляд с купюр на сестру:

— Ты спала с ними?

Карина легкомысленно пожимает плечами, стирая макияж.

— Ну, пришлось пару раз соснуть тунца… - поворачивает голову и смотрит на меня. - Да не смотри ты на меня так, святоша! Ты и целкой осталась, только потому что у тебя была я.

Глава 7

— Я не смотрю, — тихо выдыхаю я, опуская глаза на одеяло. — Просто… теперь у тебя есть парень. Тим, он ведь вряд ли одобрит...

— Ну а кто ему скажет? Ты? Да и он тоже далеко не святой, — отмахивается она, начиная стягивать через голову платье. — Улетел куда-то посреди ночи, как сумасшедший, бросил меня. Потом вернулся уже под самый конец моей смены, когда я вещи собирала. Хмурый, слова не вытянешь.

Я замираю, боясь выдать себя даже вдохом. Мои мокрые вещи всё ещё лежат в мешке под кроватью, а в шкафу прячется его огромная кофта, насквозь пропитанная его запахом. Хотя как раз ее наличие вряд ли удивит сестру.

— Думаешь, у него кто-то есть? — осторожно спрашиваю.

— Да пофиг, честно, Мар, — Карина оборачивается ко мне и хищно усмехается. — Пока он классно меня трахает и даёт бабло — мне плевать, на каких баб он там смотрит. Хочешь, кстати, можешь вообще бросить свою дурацкую работу няней? Далеко же мотаться, в самый конец города. Да и платят явно меньше, чем получаю я за ночь.

— Нет, — отрезаю. Набираю воздух в лёгкие и добавляю мягче: — Я не буду жить за счёт твоего парня. И за счёт того, что ты делаешь… там.

Карина останавливается посреди комнаты, её взгляд мгновенно тяжелеет:

— То есть осуждаешь меня? Считаешь грязной?

— Нет! Просто… — я судорожно сглатываю, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы от её тона. — Нет, конечно не осуждаю, Карин. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы как-то обсуждать твои решения. Ты моя сестра.

— И труп пойдёшь со мной прятать, если надо будет? — её лицо моментально светлеет, пока она скидывает на пол нижнее бельё.

Я невольно вздыхаю, рассматривая её. На Карине нет ни грамма лишнего жира, идеальные линии, высокая грудь, плоский живот. Невероятно красивая, порочная, притягивающая взгляды.

Куда мне со своей угловатостью до неё.

— Конечно пойду, куда я девчусь, — пытаюсь улыбнуться в ответ. — А ты уже кого-то убила?

— Пока нет, — хохочет она, подхватывая полотенце, и направляется к двери. — Вода горячая в душе есть вообще?

Качаю головой, и из коридора доносится её громкое, раздражённое чертыхание.

— Точно надо квартиру снимать, — кричит она мне сквозь приоткрытую дверь. — Зае*алась я уже жить в этой ободранной лачуге. Да и тебе не придётся часами сидеть в коридоре, пока мы с Тимом… ну, сама понимаешь.

Внутри всё болезненно сжимается от этого напоминания.

— А что, у Тимура нет своего жилья? — как бы между прочим спрашиваю я, перебирая пальцами край простыни.

— Есть, конечно, — отзывается она из коридора. — Но порой, знаешь, хочется здесь и сейчас, некогда ехать. А хата у него огромная, на Петроградке.

— Ты была там?

— Ага. Один раз возил.

Я молчу пару секунд, собирая остатки смелости. Сердце начинает колотиться быстрее.

— Карин…

— Да, детка? — её голова в полотенце высовывается обратно в комнату.

— А что… что может заставить тебя его бросить? Что должно произойти?

Карина замирает, уставившись на меня.

— Ну и странный же у тебя вопрос, мелкая! Думаешь, он бросит меня и перейдёт к тебе, что ли? — хохочет она на всю общагу.

У меня внутри всё обрывается. Я сильно, до боли в шее мотаю головой, чувствуя, как щёки заливает пунцовая краска. Господи, как же стыдно. Как же паршиво.

— Нет! Мне просто кажется, что он опасен… И он точно не тот, за кого себя выдает. Он тебе вообще ничего о себе не говорил? О своём прошлом? О семье?

— Ой, да мы вообще с ним… Ну… мало разговариваем, сама понимаешь, — Карина задорно подмигивает мне, закрывает дверь и окончательно уходит в сторону душевой.

А я бессильно падаю лицом в подушку, зажимаю рот руками и тихо, надрывно вою, чтобы никто не услышал.

Я чувствую это каждой клеточкой своего тела, нутром чую — Тимур Хантер принесёт нам огромную, страшную беду.

И самое ужасное, самое пугающее — это случится в первую очередь тогда, если однажды я просто не смогу себя сдержать.

Если поддамся этому запретному притяжению.

Сестра тогда возненавидит меня, проклянет, и я останусь совершенно одна.

А я не смогу без неё.

Никогда в жизни не смогу снова остаться одна.

Глава 8

Следующий день я почти полностью провожу на учёбе, тупо забивая голову цифрами и таблицами, чтобы не думать о главном.

Только в обеденный перерыв выделяю себе несчастную минутку, чтобы сбросить пар и погонять на скейте в парке с парнями.

На мне широкие шорты до колен, огромная, висящая мешком футболка и натянутая на самые глаза кепка. В таком прикиде меня со спины вряд ли кто-то вообще отличит от обычного пацана-подростка. Я разгоняюсь, колёса жёстко стучат по асфальту.

Набираю приличную скорость, прыжок — скейт разворачивается в воздухе под моими подошвами, и я с крутой горки лечу обратно вниз, удерживая равновесие на самом краю.

Костик Сафронов стоит внизу, снимает мой трюк на свой старенький, разбитый телефон и тут же, не отходя от рампы, выкладывает это в сторис.

— Офигенно, Марика! — кричит он, показывая большой палец. — Чисто сделала.

— Хватит трусить, Кос, давай за мной, — ухмыляюсь я, вытирая пот со лба.

— Ну нет, такого финта я точно не повторю, шею сломаю, — он закидывает телефон в карман и подходит ближе, немного заминаясь.

— Слушай, Мари… пойдёшь сегодня на тусу в центре? Там наши все собираются, посидим круто. Я на гитаре буду играть, новую программу подготовили.

— У меня работа сегодня, так что вряд ли, — качаю я головой, поправляя козырёк кепки. — Да и что я там не слышала? Как ты по струнам бренькаешь?

— Эй, это вообще-то обидно было, знаешь ли! — он картинно дуется, кривя рот.

— Ладно, шучу я, шучу, — я толкаю его плечом в плечо. — Ты классно играешь, правда.

— Знаю, — Костик гордо тычет подбородоком вверх, принимая важный вид, а потом как-то сразу смущается, пряча руки в карманы толстовки. — Слушай… Может, ты с нами споёшь сегодня? Мы уже сто лет ищем хороший женский вокал в группу. У тебя ведь голос крутой.

— Нет, Кос, даже не проси, — я моментально закрываюсь. — Ты же знаешь, у меня ступор начинается, я до смерти боюсь, когда на меня толпа людей смотрит.

— Да это вообще херня, переболел бы и всё! — горячится он. — То есть тут на рампе ты летать не боишься, на соревнованиях среди парней выступать не боишься, а просто выйти на сцену и спеть…

— Тут, на доске, я никого вокруг не вижу, — тихо перебиваю я его, глядя на свои поцарапанные кроссовки. — Я просто лечу вперёд, мозг отключается, и я ни о чём не думаю. А там, на сцене… нет. Воробьёва же вроде хотела к вам в группу?

— Да ну её… — Костик недовольно морщится. — Она не поет вообще, а скрипит, как старая телега. Да и свои новые тексты… я только тебе могу доверить, Марика, — он внимательно, как-то слишком тепло смотрит мне прямо в глаза.

От этого взгляда мне становится неловко, внутри снова поднимается глухой протест. Я быстро качаю головой, прерывая этот момент:

— Поехали лучше ещё кружок погоняем, пока время есть. У меня всего полчаса до начала английского осталось.

— Эх ты, заучка, — добродушно ворчит он, вставая на свой скейт.

— Поговорим с тобой через десять лет, Константин, — ухмыляюсь я, вставая на доску. — Когда я буду брать тебя к себе в фирму на работу грузчиком.

Он моментально, смеясь, тычет мне в лицо средним пальцем, и я громко, искренне хохочу ему в ответ. Разгоняюсь, прыгаю на асфальт и вдруг замираю на месте, чуть не свалившись с доски.

Мимо скейт-парка по узкой дорожке медленно, бесшумно проезжает очень знакомая, наглухо тонированная чёрная машина. Без номеров. Массивный внедорожник на секунду притормаживает у забора, словно высматривая кого-то, а затем резко срывается с места. Сердце делает болезненный кувырок.

Я торопливо отворачиваюсь в противоположную сторону, изо всех сил надеясь, что скорость и любимое занятие смогут вытравить из моей головы мысли о чужом парне, об опасности, которая с ним связана, и о том, что произошло между нами вчера ночью в общаге.

Я возвращаюсь в нашу тесную комнату уставшая, после тренировки. В это время как раз лениво просыпается Карина. Она сладко тянется на своей узкой кровати, оглядывает обшарпанные стены и снова привычно матерится сквозь зубы:

— Как же мне надоела эта убогая кровать, господи, спина затекла… Фу, систер, ну и вид! Сходи в душ немедленно, от тебя конями несёт. Опять полдня гоняла со своими лохами-скейтерами?

— Есть будешь? — игнорирую я её выпады, скидывая рюкзак на стул.

— А что у нас вообще на завтрак? — она трёт глаза.

— На обед, ты хотела сказать, — поправляю я её, глядя на часы. — Вчерашний суп в кастрюле остался.

— Ой, нет, фу, — Карина недовольно морщит носик и падает обратно на подушки. — Сама ешь эту бурду. Я сейчас лучше позвоню кому-нибудь из своих преданных поклонников, пусть пошевелятся и притащат мне из кафе нормальный круассан с красной рыбой и раф.

Я только вздыхаю и иду в душ.

А когда возвращаюсь, обмотанная полотенцем, обнаруживаю, что сестра всё ещё валяется в постели, лениво перебирая ногами. Она уставилась в экран телефона и весело с кем-то переписывается, глупо хихикая на всю комнату.

Я искренне, не понимаю, что это вообще за отношения такие. Как можно спать с одним парнем — опасным, сильным, — но при этом спокойно сосать деньги из других, флиртовать и как ни в чём не бывало ждать от них приятных бонусов в виде завтрака в постель.

И действительно, не успеваю я натянуть чистую футболку, как в нашу хлипкую дверь настойчиво стучат.

Курьер Я иду открывать. Думаю, может, ей там ещё и десерт вдогонку прислали? Распахиваю дверь, готовая забрать пакет, но на пороге оказывается тот, кто уж точно вряд ли когда-нибудь в этой жизни выберет себе карьеру курьера.

Тимур.

Он стоит в проёме, лениво оперевшись плечом о косяк. Сегодня на нём свободная белая футболка, которая отлично подчёркивает его широкую, мускулистую фигуру, и длинные шорты цвета хаки, полностью открывающие вид на лодыжки. Я замираю, глупо уставившись вниз: грубые, чёрные татуировки плотно покрывают его кожу даже там, уходя под спортивные кроссовки.

— Привет, кнопка, — его низкий, вибрирующий голос бьёт по ушам. Тим бросает на меня быстрый, сканирующий взгляд, а затем смотрит вглубь комнаты. — Карина проснулась?

— Привет, Тим! — тут же раздаётся сзади весёлый голос сестры.

Она моментально подпрыгивает на кровати, наспех прикрывая голое тело первой попавшейся футболкой.

— Не ждала тебя так рано сегодня.

Тим проходит в комнату, полностью игнорируя моё присутствие.

Они целуются прямо у меня на глазах — шумно, до тошноты влажно.

Я тут же отворачиваюсь к окну, чувствуя, как внутри всё горит от душной неловкости.

Зря я вчера так паниковала в ванной, зря тряслась.

Ничего он ей не скажет про нож и про то, что было на кровати.

Ему это нафиг не нужно.

А даже если бы и рассказал — Карина бы просто посмеялась мне в лицо и не поверила ни единому слову.

— Сегодня есть реальный шанс познакомиться с Каневским, — Тим отстраняется от неё, засовывая руки в карманы шорт. — Он будет на закрытой вечеринке в Кронштадте, собирает людей.

— Ты шутишь?! — Карина аж подскакивает на матрасе, округлив глаза. — Как сегодня? Прямо сейчас? Тим, у меня же маникюр не сделан, на голове чёрт те что!

— Ну так давай шевелись, время собраться ещё есть, — Тим кривит губы в лёгкой усмешке, наблюдая за её паникой.

Сестра уже очень давно, сколько я её помню, грезит о карьере профессиональной модели, хочет на подиум. И Тим, когда они только сошлись, твёрдо обещал помочь ей с нужными связями в этом бизнесе.

— Систер, ты слышала?! — Карина поворачивается ко мне, её лицо буквально светится от восторга. — Сам Каневский! Если я ему понравлюсь, если пройду этот кастинг, то смогу уехать по контракту в Европу! В Париж или Милан! А потом, когда устроиюсь, я обязательно возьму тебя с собой, вытащу из этой дыры!

— Ты ещё даже не познакомилась с ним, — тихо, со всей своей злой дерзостью бормочу я, упрямо глядя в окно. — Заранее радуешься.

— Не будь такой пессимисткой, кнопка, — Тим вдруг оборачивается ко мне.

Его тёмные, непроницаемые омуты глаз впиваются прямо в моё лицо. Он ухмыляется — тонко, опасно, едва заметно приподнимая бровь.

— Есть мечты, которые действительно могут сбыться. Очень быстро. Если сильно захотеть.

Я прям кожей, каждым рецептором чувствую, что этот его двойной посыл адресован вовсе не Карине. Он говорит о моих скрытых, запретных мыслях о нём, которые он вчера так легко вытряс из меня в машине.

— За некоторые мечты, — я заставляю себя поднять голову и посмотреть ему прямо в лицо, цедя слова сквозь зубы, — в итоге придётся слишком дорого заплатить. Всем нам.

Тим ничего не отвечает, лишь его взгляд на секунду становится абсолютно ледяным, фиксируя мой выпад.

Он молча достаёт из кармана толстую пачку денег, небрежно бросает её на тумбочку Карине и направляется к выходу. Проходя мимо сестры, он по-хозяйски, с громким шлепком бьёт её по заду, заставляя ту вскрикнуть и рассмеяться. А затем, уже у самой двери, Тим словно совершенно случайно, всем своим тяжёлым, массивным корпусом задевает моё плечо, заставляя меня покачнуться.

— Ну ты и широкая, Марика, — доносится его ленивый, издевательский голос. — Весь проход заняла.

— Это ты просто перекачался на своих железках, — зло бурчу я ему в спину, сжимая кулаки. — Места ему мало.

Дверь за ним захлопывается с глухим стуком. Я смотрю на закрытую деревянную панель, чувствуя, как сердце в груди колотится как ненормальное. А Карина уже вовсю суетится — весело напевая, хватает с сушилки чистое полотенце и пулей убегает обратно в коридор, к душевым.

Глава 9

Систер ушла ещё днём, чтобы навести марафет перед судьбоносной встречей с Каневским. Она улетела, оставив после себя шлейф дорогих духов и гору разбросанных вещей. А я как обычно села за учебники.

Обложилась конспектами, зубрила до ряби в глазах, пока не пришло время собираться на работу.

Я была вечерней няней в одной очень богатой семье. Устроилась туда по знакомству через одногрупницу, которая тоже там когда-то трудилась.

Да, Карина права — ездить действительно далеко, на самый край города, тратя кучу времени на дорогу. Но зато платили стабильно, и у меня получалось откладывать деньги в нашу общую копилку на собственное жилье, о котором мы с сестрой так сильно мечтаем.

Я уже закинула рюкзак на плечо, вышла в коридор и начала закрывать хлипкую деревянную дверь нашей комнаты, когда в кармане куртки настойчиво завибрировал телефон.

Экран мигает незнакомым номером. Быстро нажимаю «принять» и прижимаю трубку к уху:

— Алло, Марика? Это Глеб.

— Добрый день, Глеб Викторович, — я невольно выпрямляю спину, стараясь звучать максимально вежливо и профессионально. — Я как раз уже выезжаю. Автобусы ходят нормально, так что смогу даже пораньше приехать, если нужно.

— Марик, сегодня приезжать не нужно, — раздаётся в трубке его спокойный, слегка усталый голос. — У нас тут планы немного изменились. Моя мама ещё неделю побудет у нас в гостях, сама вызвалась посидеть с внуком. Так что отдыхай. Приезжай теперь только в пятницу.

Внутри меня всё так и ухает вниз. Пальцы крепче сжимают корпус телефона.

— Вы… вы меня увольняете? — глупый вопрос, срывающейся с губ, но мне в эту секунду становится так горько и обидно, что скрывать это не получается.

Я ведь так рассчитывала на эти деньги за смену, уже мысленно доложила их к пачке красных купюр, что дала Карина. Да и сынишка у них — просто чудо, я к нему искренне привязалась.

— Ну нет, конечно, Марика, что за глупости, — Глеб Викторович добродушно хмыкает на том конце провода. — Ты отличная няня. Просто пока мы действительно не нуждаемся в твоих услугах на этой неделе. Не переживай, в пятницу ждём тебя как обычно.

— Ясно. Ладно… До свидания.

Сбрасываю вызов и ещё пару секунд тупо смотрю на потемневший экран.

Чувствую себя абсолютно растерянной. Медленно поворачиваю ключ в замке и открываю обратно свою комнату, проходя внутрь.

Когда Карины здесь нет, тут царит идеальный, почти стерильный порядок — всё разложено по полочкам, ни одной пылинки.

Я аккуратно сажусь на край своей узкой кровати.

И в нашей прошлой жизни, в нашем настоящем доме, всё было точно так же. Порядок, чистота, уют.

А ещё, когда в детстве нам с сестрой нанимали няню, та приходила всегда.

Даже тогда, когда её услуги вроде как не требовались, если родители внезапно оставались дома. Потому что так было положено по договору.

Потому что богатые люди понимают: наёмный персонал рассчитывает на эти деньги, о которых изначально договаривались, у них есть свои планы и нужды.

Да… когда-то мы с сестрой тоже жили в огромном, богатом доме, ни в чём не нуждаясь.

А потом всё рухнуло в один чертов день.

Наш дом сгорел дотла, забрав с собой родителей.

Остатки сбережений отца и уцелевшее имущество подчистую покрыли его внезапно всплывшие огромные долги.

Мы с сестрой остались ни с чем — круглыми сиротами на попечении государства, выброшенными в безжалостный мир.

Я трясу головой, прогоняя тяжёлые воспоминания, и снова беру в руки телефон.

На дисплее всё ещё висит старое сообщение от Костика с точным адресом сегодняшней вечеринки. Я ведь уже твёрдо отказалась, когда мы разговаривали у рампы, но Кос — парень упрямый, он всегда скидывает координаты на случай, если я вдруг передумаю в последний момент.

Обычно в это время я всегда работаю, но сегодня вечером я абсолютно свободна.

И последнее, что мне сейчас нужно — это оставаться в этой удушливой пустоте четырёх стен совершенно одной.

Одной, чтобы снова и снова выворачивать себе внутренности, сходить с ума и плавиться от мыслей о том, о ком мне думать не просто нельзя, но и смертельно опасно.

О Тимуре. Его запах до сих пор, кажется, въелся в мои рецепторы.

Ну уж нет. Хватит.

Я решительно поднимаюсь с кровати, подхожу к маленькому зеркалу.

Быстрым движением стягиваю резинку, распуская свою прямую короткую карешку, расчёсываю пальцами волосы. Из самого низа шкафа достаю широкие джинсы со стразиками — покупала их сто лет назад на распродаже, поддавшись минутному порыву, но так ни разу и не надела, стесняясь выглядеть слишком броско.

К ним в пару выбираю белую блузку с жесткими кожаными вставками.

Быстро переодеваюсь, бросая короткий взгляд на своё отражение. Непривычно. Ярко. На пацана со скейтом я сейчас точно не похожа.

В таком виде я и выхожу из комнаты, запирая дверь на ключ. Надо поскорее добраться до метро, чтобы успеть к самому началу выступления Костика, поддержать его. Я достаю телефон на ходу, открываю вбитый адрес, чтобы проложить маршрут… и замираю прямо посреди коридора общежития.

Только вот это оказывается вовсе не в центре города, как я думала.

Точка на карте горит в Кронштадте.

Я вернулась в комнату, чтобы забрать скейт, который в спешке оставила у двери , и в этот самый момент в полумраке коридора замечаю Костю. Он топчется у нашего порога, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— О, привет, — выдыхаю я, поправляя сумку на плече. — А я как раз хотела тебе написать.

Костя вскидывает голову, его глаза округляются от удивления, когда он оглядывает мой непривычный наряд — джинсы со стразами и блузку.

— А ты чего такая… ? — в его голосе звучит неподдельный восторг. — Красивая.

— Да, у меня освободилось время, работы сегодня нет. Так что я решила тусануть с вами.

- Правда?! Круто! А я как раз Хотел у тебя гитару попросить, — он виновато чешет затылок. — Моя походу накрылась в самый неподходящий момент.

Я невольно морщусь. Внутри всё противно сжимается. Я на многое готова ради друга, Костя золотой парень, но гитара… Это слишком личное.

— Я верну в целости и сохранности, честно! Ты не переживай, — умоляюще тараторит он, видя моё замешательство. — Ну Марик, ну пожалуйста… Скоро выступление, мне край надо.

— Ладно, — вздыхаю я.

Я открываю дверь в третий раз за этот проклятый день и ловлю себя на жуткой, липкой мысли: не к добру эти постоянные возвращения.

Достаю из чехла гитару и отдаю Косте инструмент.

Эта гитара — не просто кусок дерева. Она осталась мне ещё от отца. Одно из немногих воспоминаний о той, прошлой, счастливой жизни, которое мне чудом удалось сохранить, несмотря ни на что — ни на приют, ни на долги.

— Кость, только аккуратнее с ней, умоляю.

Передаю ему чехол, и парень бережно, словно хрустальную вазу, прижимает его к себе.

— Ну что, погнали? — он широко улыбается, пытаясь разрядить обстановку. — Ты, кстати, выглядишь отпадно. Словно на свидание собралась.

— Да ну тебя, — бурчу я, выходя вслед за ним и запирая замок, прижимая к себе скейт. Возьму с собой, кто знает как потом придется до дома добираться. — Слушай, Кос, а ты вроде говорил, что вечеринка в центре. А точка на карте стоит в Кронштадте.

— Да, перенесли в последний момент, — отмахивается он, пока мы спускаемся по заплеванной лестнице на первый этаж. — Там организаторы переиграли всё. Намечается нечто грандиозное, какой-то закрытый вип-клуб.

— И позвали вас? — я скептически приподнимаю бровь. — Ты только не обижайся…

— Не буду, — Костя задорно подмигивает мне, открывая тяжелую входную дверь общаги. — Но ты помни, что у меня в руках твоя гитара, так что полегче на поворотах.

На улице нас встречает его старенькое, повидавшее виды «рено».

Чуть позже, у ближайшей станции метро, к нам присоединяются остальные участники его группы. Цапля, Кот и Верник. Атмосфера в машине накаляется, парни на взводе, громко спорят и перебивают друг друга.

- Я вообще не понимаю, нахер мы туда едем, - возмузается Кот. – Притон пожи какой – то.

— Блин, про эту вечеринку даже не написано нигде, ни в одном паблике, ни в телеге, — Поддерживает Верник, кудрявый, немного истеричный айтишник.

- Да вы ничего не понимаете. Чистый закрытый инсайд. Значит, там будут самые-самые сливки общества. Кто – то из них наверняка захочент нас продюсировать.

— А как вы-то тогда туда оказались приглашены? — я оборачиваюсь к парням, цепляясь взглядом за Альберта. — Кто вас позвал?

— Хантер, — легко отвечает Цаплин. — Встретились с ним пару дней назад на одной тусе в клубе, он послушал демо и сказал, что мы круто играем.

Перехватывает дыхание. Пальцы судорожно впиваются в коленях в джинсовую ткань. Я резко, едва не вывернув шею, оборачиваюсь назад:

— Хантер? Тимур? - словно есть еще какие - то в этом городе.

— Ну да. А ты что, его знаешь?

— Он парень моей сестры, — выдавливаю я, глядя на парней округлившимися глазами. — Так что да, знаю.

— Сестры? Каринки? — Альберт вдруг осекается, переглядываясь с барабанщиком. На его лице появляется глупая, двусмысленная ухмылка. — Ты уверена?

— Что значит — уверена?!

— Ну просто на той тусе, где мы колотились, он был с классной рыжей телочкой, — Цаплин нагло усмехается, смакуя подробности. — И судя по их поведению, поцелуям и всему такому, она тоже считает его своим стопроцентным парнем.

Сколько же баб у этого монстра?

— Ну… — я сглатываю вставший в горле ком, пытаясь защитить честь сестры и собственное лицо. — Наверное, это нормально в их среде. Типа… свободные отношения. Им так удобно.

Глава 10

— А ты с ним тоже того… — Альберт мерзко прищуривается. Вот никогда, ни секунды он мне не нравился. Скользкий, противный, словно дождевой червяк. — Того самого? Ну, по семейной скидке?

— Заткнись, Цапля! — рявкает Костя, резко дергая руль. Его голос звенит от злости, он зло смотрит на Альберта через зеркало. — Марика не такая, чтобы вестись на всяких мажорчиков. Завали хавальник.

Я резко отворачиваюсь от Кости к боковому окну, поджимая губы до боли.

В груди разливается горькая, черная пустота.

«Не такая…» Господи, Костя так свято во мне уверен.

Наверное, он будет очень, просто смертельно разочарован, если когда-нибудь узнает грязную правду о том, что происходило между мной и Хантером в машине.

Перед въездом на большой мост, ведущий к КАДу и дамбе, мы останавливаемся на глухом светофоре. Город остался позади, впереди — только черная пустыня залива.

Я невольно смотрю на его кроваво-красный свет, который отражается на лобовом стекле. И снова всё внутри меня, каждая клетка, каждый оголенный нерв дико, панически противится этой поездке.

Мне хочется рвануть ручку, выйти из машины прямо сейчас , плевать на парней, просто выйти и бежать назад, туда, в свою тесную комнату общаги, в наше относительное, хрупкое спокойствие.

Но на светофоре загорается холодный зеленый, Костя жмет на газ, и мы движемся вперед. Туда, где я абсолютно уверена, меня не ждет совершенно ничего хорошего.

Мы проезжаем серые окраины, и я отстраненно любуюсь видами парков и подсвеченных домов. Сколько в Питере живу, а в эту сторону ни разу не ездила.

Кронштадт всегда казался мне каким-то закрытым, обособленным, пугающим городом, тем более — отдельный остров посреди темной воды. Тут словно своя, отрезанная от остального мира, мрачная жизнь, никак с Питером не связанная.

На всякий случай проверяю экран — новых сообщений нет. Быстрым движением полностью выключаю мобильный интернет, чтобы не разряжать батарею. Если я окажусь в темноте без связи, это будет конец.

Мы едем всё дальше и дальше от цивилизации, машина глухо урчит, съезжая с оживленной трассы в сторону густого лесного массива. Деревья обступают дорогу плотной, черной стеной, закрывая небо. Наконец, фары «рено» выхватывают из темноты огромные, массивные кованые ворота, за которыми в глубине парка возвышается трехэтажный особняк, весь усыпанный неоновой, слепящей иллюминацией.

Радует хотя бы одно — мы здесь не одни. Паника немного утихает, когда я вижу гигантскую парковку перед домом. Множество дорогих, блестящих машин тоже въезжают на территорию, шурша гравием.

Из салонов сплошным потоком вываливают люди. В основном это молодые, дерзкие парни в брендовых шмотках и холеные, вызывающе одетые девушки. Даже, я бы сказала, больше девушки — длинноногие, в ультракоротких платьях и каждая нверняка уверена, как и цаплин, что тут она может встретить того, кто превратить ее жизнь в сказку.

Я выхожу из машины, вдыхая холодный, влажный воздух парка, как и парни, вытаскивая свои инструменты. Я же тьолько прижимаю к себе скейт и иду вместе с ними в жерло осодняка, где музыка уже долбит по перепонкам.

Мы подходим к массивным дверям особняка, за которыми глухо и тяжело ухают басы. На крыльце, залитом неоновым светом, нас встречает охрана — двое громил в чёрных костю-

мах с каменными, непроницаемыми лицами. Они не обыскивают, но у одного из них в руках странный металлический прибор, похожий на сканер.

— Руки, — коротко бросает он.

Мы послушно вытягиваем запястья. Хлёсткий щелчок, лёгкое тепло на коже, и на запястье каждого из нас вспыхивает флуоресцентная, светящаяся в полумраке метка. Специальное устройство оставляет на коже состав, который горит кислотно-зелёным цветом под ультрафиолетом. И у каждого — свой индивидуальный номер. Я опускаю глаза на свою руку: на коже чётко проступают цифры. Девяносто три.

— Теперь телефоны. Снимать нельзя.

Мы с ребятами переглядывемся, но складываем телефоны в металлическую коробу к остальным гаджетам. Если честно теперь становится совсем не по себе.

— И как мы запостим, что тут были, - шипит Кот, пока мы входм внутрь, а я смотрю на свой номер. Девяносто три.

Внутри особняк встречает нас оглушительным звуком, запахом дорогого алкоголя и сигарет. На вечеринке и правда невероятно много девушек. Почти все они — как на подбор: молодые, красивые, в откровенных нарядах. Они вовсю танцуют, пьют коктейли из высоких бокалов, громко смеются, пытаясь привлечь к себе внимание мужчин, которые стоят у баров, словно выбирая.

Каждая из девушек наверняка уверена, как и Цаплин, что именно здесь она встретит того самого человека, который в один миг превратит её жизнь в сказку. Среди этой пёстрой, двигающейся толпы выделяется несколько мужчин постарше — в безупречно скроенных, костюмах тройках. Кого-то из них я точно видела в газетах и по телевизору, когда краем глаза смотрела передачи в общаге, но имён, конечно, не запомнила.

Я лениво сканирую зал и вдруг взгляд натыкается на вип-зону у раскидистой пальмы. Сердце делает кульбит, а в горле пересыхает. На мягком кожаном диване сидит Ульянов Глеб Викторович. Мой собственный босс. Тот самый примерный семьянин, который ещё пару часов назад по телефону вкрадчивым голосом рассказывал мне, что «сегодня приезжать не нужно, у нас мама гостит, мы побудем с ребёнком».

Сейчас этот семьянин вальяжно откинулся на спинку и пьяно, по-хозяйски наглаживает обнажённую, загорелую спину какой-то молодой девицы в ультракоротком платье.

Мерзость какая. Меня буквально тошнит от этого лицемерия

Я резко отворачиваюсь, чтобы не дай бог не встретиться с ним взглядом, и как раз в этот момент из толпы к нашей группе выныривает Воробьёва Маша. Вокалистка.

На ней яркий макияж, кожанное платье черного цвета и она вся так и светится. Маша демонстративно, с лёгким кокетством целует каждого из парней в щёчку, а потом утыкается взглядом в меня. Её брови ползут вверх.

— О, Марика? А ты-то что тут делаешь в таком прикиде?

. Конкурентки на сцене ей явно не нужны.

— Расслабься, Маш. У меня работы сегодня нет, я просто отдыхаю, — спокойно отвечаю я.

Воробьёва шумно вздыхает с явным облегчением, теряя ко мне всякий интерес, и тут же переключается на Костю, утягивая его в сторону сцены. Парням пора настраивать инструменты.

Я остаюсь одна. Медленно ухожу от группы, лавируя между пьяными гостями. Карина точно должна быть где – то здесь.

Я обхожу первый этаж, заглядываю вглубь бара, проверяю углы у вип-ложи, но её нигде нет. Может они отправились на другую вечеринку, но что – то сомневаюсь.

Пытаясь перевести дух от душного, давящего пространства, я толкаю стеклянную дверь, ведущую на задний двор особняка. Здесь, на просторной каменной террасе, царит прохлада.

За домом открывается просто шикарный, завораживающий вид на бескрайний залив, по воде которого скользят последние, багрово-золотые отблески уходящего заката. Красиво до боли.

Я подхожу к балюстраде, вдыхая влажный воздух, и на секунду прикрываю глаза, пытаясь унять дрожь в коленях.

И тут по спине пробегает ледяной, наводящий ужас ток. Я словно физически чувствую угрозу, кожей ощущая чужое, тяжёлое присутствие.

Внутренний радар бьёт тревогу за мгновение до того, как из густой тени декоративных кустов сбоку бесшумно материализуется высокая фигура.

Тимур.

Глава 11

Он подходит ближе, и я замираю, внутренне готовясь к худшему.

Его лицо обманчиво расслаблено, на губах играет лёгкая, почти дружелюбная улыбка, предназначенная для случайных свидетелей.

Я тупо разглядываю его, и в груди всё болезненно стягивается. Свободная рубашка обтягивает его мускулистую фигуру.

Нам вообще смертельно опасно оставаться наедине. Стоит ему оказаться рядом, как мозг отключается, а кожа помнит каждую секунду, проведённую в его машине. Помнит его обжигающую горячую ладонь, медленно скользящую по моему голому колену под сбившейся кофтой , его хриплое, ледяное «Не очень» и то, как сильно меня выворачивало от собственного запретного желания сдаться ему.

Я жду, что он сейчас снова оскорбит меня. Выплюнет в лицо, что я преследую его , таскаюсь хвостом за парнем сестры. И ведь это будет почти правдой.

Когда я в коридоре общаги увидела точку на карте, когда поняла, что эта чёртова туса пройдёт в Кронштадте — я ведь могла остаться дома. Запереться в пустой комнате и зубрить. Но я поехала.

Зачем? Действительно чтобы увидеть Карину? Отдохнуть от лекций? Или чтобы просто снова столкнуться с ним, поймать этот его безумный, сканирующий взгляд, от которого всё внутри плавится?

Тим подходит вплотную, сокращая расстояние до минимума, и небрежно, словно приветствуя старую знакомую, кладёт руку мне на плечо. Но под этой лёгкостью я чувствую, как его пальцы стальными тисками сжимают ткань моей блузки, фиксируя меня на месте.

— О, какие люди, мелкая, — его голос звучит тихо, вкрадчиво, с издевательской хрипотцой. В его потемневших глазах-омутах при этом нет ни капли веселья — там пляшут холодные, расчётливые черти. — Решила сменить пацанские шорты на стразики? Ради меня?

— Я не знала, что ты будешь здесь.

— А я тебе не верю.

— А мне плевать во что ты веришь. Где Карина? Почему она не с тобой?

— Хочешь увидеть сестру? — вкрадчиво шепчет он, наклоняясь к самому уху. — Ну пошли. Я покажу.

Он не отпускает моего плеча, железной хваткой направляя меня прочь с террасы. Мы возвращаемся в дом, но не в шумный зал, а сворачиваем в длинный, глухой коридор второго этажа, где стены обиты тёмным бархатом, глушащим звуки музыки. Вокруг никого, только полумрак и давящая тишина закрытых комнат.

Тим останавливается у одной из массивных деревянных дверей.

— Сейчас, ещё немного, — роняет он этот свой странный, хриплый ответ, в котором сквозит зловещее спокойствие.

Он протягивает руку и бесшумно, едва на пару сантиметров приоткрывает тяжёлую створку, увлекая меня за собой так, чтобы мне был виден просвет.

Я подаюсь вперёд, вглядываюсь в полумрак комнаты, и в то же мгновение ледяной, пронизывающий до костей холод сковывает мои лёгкие. Сердце просто перестаёт биться. На широком кожаном диване вальяжно раскинулся холёный, бледный мужчина со светлыми, идеально зачёсанными волосами. Каневский. А прямо перед ним, опустившись на колени между его раздвинутых ног, находится Карина. Моя красивая, гордая сестра. Она намертво вцепилась пальцами в его бёдра и ритмично, покорно двигает головой вверх и вниз.

— Хочешь так же?

Внутри меня всё взрывается диким, первобытным ужасом.

— Нет! — сдавленный крик срывается с губ.

Я импульсивно дергаюсь вперёд, готовая выбить эту чёртову дверь, ворваться туда, оттащить её, закрыть собой. Но Тим среагирует мгновенно. Он перехватывает меня поперек груди, намертво прижимая спиной к своему каменному торсу, и второй рукой наглухо закрывает мне рот. Его мускулистые руки держат меня крепко, лишая малейшей возможности вырваться, пока я отчаянно бьюсь в его хватке, задыхаясь от слёз.

— Тихо, мелкая. Заткнись, — горячо и жёстко шепчет он мне прямо в ухо, и от вибрации его голоса меня прошибает крупная дрожь. — Карина там, где должна быть. Зарабатывает на своё счастливое будущее. А вот тебе здесь совсем не место.

С силой потянув меня назад, он оттаскивает меня от проклятой двери. Чувствуя, что я могу закричать, Тим волочет меня дальше по коридору к лестнице. В какой-то момент мне удаётся извернуться — я с дикой силой кусаю его за ладонь.

Тим глухо чертыхается, на секунду ослабляет хватку, и я, резко вырвавшись, пулей слетаю по ступенькам вниз. Слёзы застилают глаза, джинсы со стразами кажутся кандалами, но я бегу в сторону самого дальнего, полутёмного выхода на задний двор, лишь бы подальше от этого вертепа.

Выскакиваю на прохладный воздух. Меня колотит неуправляемая, бешеная истерика. Шаги сзади раздаются тяжёлые, уверенные. Хантер идёт за мной, даже не пытаясь бежать — он знает, что я никуда не денусь с этого острова.

Я резко разворачиваюсь к нему, тяжело дыша, прижимая к себе испачканный скейтборд.

— Как ты можешь?! — кричу я, и голос срывается на надрывный хрип. — Как ты можешь так спокойно на это смотреть?! Она же твоя девушка! Или тебе вообще плевать на неё, животное?!

Тим останавливается в паре шагов. Его лицо в багровых отсветах заката кажется абсолютно мёртвым, непроницаемым. Он медленно засовывает руки в карманы шорт.

— Ну как же плевать, мелкая, — ровно, с издевательской прохладой отзывается он. — Я как раз очень сильно забочусь о её будущем. Она же спать спокойно не могла, так хотела стать моделью, покорить Европу. А Каневский может ей в этом помочь. Очень быстро. За всё в этой жизни надо платить, Марика. Она платит.

— Ты отвратителен! — выплёвываю я ему в лицо, чувствуя, как от ненависти к нему перехватывает горло. — Ты чудовище, маньяк… Ты просто продаёшь её! Слышишь? Я не оставлю её здесь. Я сейчас вернусь и заберу её отсюда, плевать на твоих бандитов!

Я готова броситься на него с кулаками, но Тим делает резкий шаг вперёд, мгновенно вторгаясь в моё личное пространство.

Он перехватывает мой взгляд, и его глаза превращаются в две чёрные, бездонные пропасти. Опасный. Сейчас он выглядит так, что хочется забиться под землю.

— Ты ничего не сделаешь, Марика, — переспрашивает он со свистом, и на его губах появляется эта его фирменная, издевательская усмешка. Но в глазах при этом стоит такой холод, что у меня дыхание перехватывает. — Кого ты там забирать собралась? Себя сначала научись из дерьма вытаскивать. Закрой рот и сиди тихо. Потому что если ты заглянешь туда, куда тебя не просят... если сунешь свой нос в мои дела, я уже просто не смогу тебя защитить. Поняла?

Он наклоняется ещё ближе, так что я чувствую кожей его тяжёлое дыхание, подхватывает пальцами прядь моих волос у каре и добавляет тише, но так, что у меня внутри всё леденеет:

— Или… может, ты хочешь, чтобы я прямо сейчас вернулся в ту комнату и во всех пикантных подробностях рассказал твоей сестре о нашем маленьком ночном секрете? Расскажу ей, что ты не такая невинная, какой хочешь всем казаться.

Я замираю, тупо глядя на него, готовая разрыдаться от этого унизительного, полного разоблачения. Горло сжимает железный спазм.

— А почему ты еще не рассказал? Разве ты обычно не делаешь, что хочешь? Особенно учитывая, какие у вас отношения. А может мне рассказать, как ты в приступе гнева чуть не задушил меня?

Тим гипнотизирует меня своим потемневшим, сканирующим взглядом несколько бесконечных секунд, а затем наклоняется.

— Ты должна отсюда уехать. Немедленно.

— Без сестры я не уеду.

Тим резко отворачивается, оставляя меня одну в сгущающейся тьме заднего двора. Меня трясёт, но я заставляю себя дышать.

Мне нужно поговорить с ней. Просто сказать, что есть другие пути.

Должны быть другие пути. И мы должны поскорее убраться отсюда. И я уже хочу пойти обратно, когда слышу, что ребята настроили звук и начали играть.

Глава 12

Я толкаю тяжёлую стеклянную дверь и возвращаюсь обратно в душное, ревущее басами жерло особняка. Горячий, спертый воздух с ароматами дорогого парфюма, алкоголя и сигаретного дыма мгновенно ударяет в лицо после свежего морского бриза.

Бежать из этого капкана без сестры я всё равно не смогу. Плевать на угрозы Тимура, плевать на страх — нужно дождаться Карину.

Я пробираюсь сквозь забитый людьми зал, намертво вцепившись пальцами в шершавую деку своего скейтборда. Все вокруг танцуют, слившись в единую, пульсирующую массу.

Девчонки отчаянно, призывно крутят задницами, выгибают спины, кидая жадные взгляды по сторонам. Каждая из них словно находится в каком-то сладком, гипнотическом трансе, искренне ожидая, что вот-вот из полумрака выйдет их сказочный принц на крутой тачке и откроет перед ними совершенно новый мир — мир без границ, бедноты и запретов. Каждая здесь сходит с ума от жажды стать кем-то большим, чем просто студенткой из общаги.

И Карина тоже мечтает. Точно так же ослеплена этой блестящей шелухой.

Я встаю чуть в стороне, у тёмной мраморной колонны, и не свожу глаз с широкой лестницы, ведущей на второй этаж. Жду. Всеми фибрами души жду, что Карина вот-вот выйдет из той проклятой комнаты, победно улыбаясь. И тогда я обязательно подбегу к ней, схвачу за руки и найду те самые слова. Уговорю, умолю ее уйти отсюда прямо сейчас.

Но она никак не появляется. Проходит пять минут, десять, а народ в зале словно окончательно сходит с ума.

Градус дикости возрастает с каждой минутой. Девчонки на импровизированном танцполе отрываются и зажигают под плотный, ритмичный рок, который на сцене нарезает группа Кости.

Подчиняясь тяжелым басам, некоторые из них прямо на ходу начинают сбрасывать с себя одежду: сначала летит на пол легкое платье, девицы остаются в одних кружевных лифчиках, а потом, под подбадривающие крики пьяной толпы, скидывают и их, оголяясь по пояс и бесстыдно двигаясь в неоновых лучах.

И странно здесь совсем не это. К подобным диким, разнузданным дискотекам я в целом давно привыкла — в клубах, где крутилась Карина, и не такое происходило.

Странно было другое. То, от чего по моей спине пробегает липкий, сшибающий дыхание холодок.

Мужчины — все эти холеные, взрослые папики в безупречно скроенных костюмах — вовсе не танцуют с ними. Они не смешиваются с пьяной толпой, не ухаживают и не пытаются никого подцепить.

Они стоят по периметру зала, вдоль бара и на вип-балконах, вальяжно потягивая из бокалов дорогой алкоголь. Они смотрят на этих извивающихся, полуголых девчонок с абсолютно ледяным, молчаливым спокойствием.

Группа Кости выстраивается на небольшой, подсвеченной ядовито-розовым неоном сцене в углу огромного зала.

Воробьёва Маша с вызовом перехватывает стойку с микрофоном, встаёт в картинную позу и начинает петь.

И выглядит это… просто ужасно.

Она безбожно мажет мимо ритма, а её голос, и без того дешёвый и плоский, от волнения срывается на пронзительный, режущий уши скрип.

Мажоры у барной стойки начинают недовольно переглядываться, кто-то откровенно смеётся, кто-то свистит.

Я вижу, как Костя моментально бледнеет.

Его пальцы на грифе отцовской гитары ложатся неловко, соскальзывают, он изо всех сил пытается спасти положение динамичной партией, но Маша окончательно тонет, таща за собой всю группу.

И тут во мне словно что-то щёлкает изнутри.

Словно срывает глухую заглушку, которая всю жизнь заставляла меня прятаться в тени сестры и бояться чужих взглядов. Я уйду отсюда и никого из них никогда не увижу. Возможно Хантер открыл во мне ту злость, что скрывалась за попытками угодить окружающим.

Я не дам им опозориться перед этой зажравшейся оравой.

Решительным шагом я подхожу к краю сцены, хватаю со стойки свободный дублирующий микрофон и выхожу прямо к ребятам. Маша испуганно косится на меня, заминаясь, но я не даю ей опомниться — вступаю точно на припеве, подхватывая её хрип и помогая ей вытянуть и взять нужную высокую ноту.

У меня вроде бы даже получается перекрыть фальшь.

Гудение в зале затихает. Маша словно феникс оживает, начиная петь лучше. Под одобрительный гул толпы поём ещё два трека подряд.

Я поймала настоящий кураж. Закрывала глаза, отсекая от себя этот проклятый дом, и просто летела вперёд — ровно так же, как лечу на скейте с самой крутой и опасной горки, ни о чём не думая.

В какой-то момент, переводя дыхание между куплетами, я открываю глаза и бросаю взгляд в зал. И тут же мгновенно спотыкаюсь. На мне скрестились сразу несколько тяжёлых, липких взглядов.

С мягкого дивана в вип-зоне на меня во все глаза смотрит Ульянов Глеб Викторович, мой босс, начисто забыв про свою полуголую девицу. Чуть в стороне, у бара, замер ещё один мужчина в дорогом костюме, чьё лицо кажется смутно знакомым по криминальной хронике. И там же, опершись на стойку, стоит тот самый бледный мужчина со светлыми волосами, с которым только что в комнате была Карина — Каневский.

Он рассматривает меня медленно, хищно, с какой-то извращённой, сытой улыбочкой, что – то шепнув Хантеру, который стоял рядом. И буквально сверлит меня своим потемневшим, бешеным взглядом. В его чёрных омутах горит такая ярость, что у меня под кожей всё покрывается льдом. Только вот я все еще не могу понять, что ему от меня надо?

Едва стихают последние аккорды и зал взрывается ошарашенными аплодисментами, Каневский начинает громко, лениво хлопать в ладоши.

Он плавной, хозяйской походкой выходит в самый центр зала. Музыка моментально притихает, подчиняясь его жесту.

— Браво, девочки, браво! — его тихий, но пронизывающий до самых костей голос буквально разрезает шум и заставляет толпу окончательно замолчать.

Он вальяжно выходит прямо на сцену, с которой я отчаянно пытаюсь сойти, нащупывая носком кроссовка край подиума. Но Каневский умудряется ловко перехватить меня и обомлевшую Машу за талии. Его пальцы скользят по моей блузке с кожаными вставками, липко и хозяйски прижимая к себе, пока он как ни в чём не бывало продолжает говорить в микрофон.

— Рад всех приветствовать на моей скромной вечеринке. Надеюсь, вы оценили наше гостеприимство, наш музыкальный перформанс… Но самое интересное ещё впереди.

Он делает паузу, смакуя момент, и его светлые глаза мельком сканируют зал.

— Нас ждёт наш ежегодный секс-марафон, в конце которого победительница получит десять миллионов рублей.

Глава 13

Зал ахает, а потом оглушительно притихает. Девушки внизу замирают, словно наткнувшись на невидимую стену. Мы с Машей и Костей тоже испуганно переглядываемся.

По телу мгновенно прокатывается душный, липкий жар, а желудок внутри делает болезненный кульбит, сжимаясь в плотный узел.

— Вы, наверное, задаетесь вопросом: что же за марафон такой и как в нём победить? — Каневский слегка усмехается, мягко поглаживая меня по боку. — Да всё очень просто. Эти многоуважаемые мужчины заплатили очень много денег, чтобы сюда попасть. У вас будет фора в целых десять минут, чтобы спрятаться в нашем густом лесу, а потом они побегут за вами. И будут делать всё, что хотят. Когда я говорю «всё», я имею в виду действительно всё. Ваша задача — выжить, мои дорогие. Если вы причините вред нашим спонсорам — вас убьют. Если вы попытаетесь выйти за пределы территории — вас убьёт ток, по периметру стоит высокая ограда под напряжением. К утру выживет лишь одна из вас. Она-то и заберёт десять миллионов рублей.

— Это какая-то шутка? — Верник, наш барабанщик, нервно смеётся, шаря диким взглядом по сторонам, пока до всех остальных медленно и со скрипом доходит, в какое беспросветное дерьмо мы вляпались. — Тут явно где-то скрытая камера!

Он отчаянно машет ручкой в сторону потолка, где под лепниной ритмично мигают красными огоньками объективы наблюдений.

— Всё очень серьёзно, молодой человек, — Каневский слегка поворачивает голову в его сторону, и его голос становится сухим и плоским, как лезвие ножа. — Вы либо участвуете наравне со всеми мужчинами в качестве охотника, либо уходите.

— Да это бред! — выкрикивает Верник, нервно и отчаянно хохоча. В его голосе звенькает чистая, ещё не до конца осознанная паника. — Конечно, я пойду отсюда! Ребят, погнали, тут полный дом психов!

Он с тяжёлым грохотом спрыгивает со сцены прямо на лакированный паркет. Звук удара его подошв глухо и звонко отдаётся под высокими сводами зала, разрывая липкий туман, в который погрузились все остальные. Никто не двигается. Ни Костя с онемевшими пальцами, застывшими на грифе отцовской гитары, ни я, ни одна из десятков замерших внизу девчонок. Мы все словно вмёрзли в полированный дерево, скованные тяжелым, парализующим оцепенением.

— Ну и оставайтесь! — оглядывается Верник на нас через плечо и зло машет рукой.

Он разворачивается и размашисто, размахивая руками, уверенно шагает к выходу. В конце огромного зала полумрак разрывают распахнутые тяжёлые двустворчатые двери. Оттуда, с террасы, тянет прохладным вечерним воздухом, свежестью залива и спасением. Эта открытая дверь манит к себе как единственный реальный шанс вырваться из этого безумия.

И тут я словно нутром, каждым обнажённым, натянутым до предела нервом чувствую чужое, едва заметное движение.

Я поворачиваю голову и успеваю уловить быстрый взгляд Каневского. Хозяин особняка даже не меняется в лице — его бледные губы сжаты, лишь подбородок едва ощутимо вздрагивает вверх, посылая молчаливый, ледяной сигнал.

И я, ещё сама не осознавая, что делаю, не успев даже понять причин, на пределе лёгких, разрывая горло, кричу:

— Нет!

В то же мгновение у самого выхода резко, с сухощелкающим движением поднимается ствол автомата в руках одного из бесстрастных амбалов-охранников.

Воздух в зале буквально взрывается. Раздаётся короткая, оглушительная автоматная очередь. Звук выстрелов наотмашь бьёт по барабанным перепонкам, заставляя зазвенеть хрусталь на люстрах.

Верник со сдавленным, глухим стоном подкашивается и с размаху валится набок прямо там, где только что стоял.

И вместо ожидаемой взрывной паники, вместо истошных женских визгов на зал обрушивается абсолютная, мёртвая, гробовая тишина. Такая плотная и давящая, что слышно, как в воздухе зависает едкий, кислый запах сгоревшего пороха.

Сотни глаз, ошарашенных и ослеплённых страхом, устремляются на парня на полу.

Верник не лежит мёртвым в луже крови. Он скукожился на изрезанном пулями, дымящемся паркете в беспомощную эмбриональную позу, судорожно прикрыв голову руками, и тонюсенько, жалобно скулит от первобытного ужаса, мелко дрожа всем телом.

— Это первое и последнее предупреждение, — буднично, ровным тоном произносит Каневский в микрофон, разжимая пальцы на моей талии. — Следующие пули уже не будут холостыми. Отсюда одна дорога: либо стать охотником, либо жертвой. Выбор за тобой, мой мальчик. А вы, девчата, что стоим? Прошло уже три минуты от десяти, а наши мужчины очень голодны. Они ждали целый год, чтобы удовлетворить все свои пороки. Ах да, забыл сказать самое главное участники. Среди наших антилоп, есть целочка. Тому, кто угадает ее номер и сорвет вишенку вход в будущем году бесплатный.

Девчонки, только что стоявшие как истуканы, резко, в полном хаосе срываются на бег. Они давятся в узких проходах, визжат, сбивают с ног друг друга, устремляясь сквозь распашные двери террасы прочь, в тёмную стену леса.

Я стою как вкопанная, голова идёт кругом, и я не сразу понимаю, что Маша изо всех сил дёргает меня за рукав блузки.

— Пойдём, Марика, пойдём! — панически вскрикивает она, заглядывая мне в глаза.

— Это сон… Это просто плохой сон… — бессвязно шепчу я.

Мой взгляд метается по паническому залу в отчаянных поисках хотя бы одного знакомого лица. Поисках Хантера. Но его нигде нет. Его нигде нет среди стоящих вдоль стен мужчин, его нет у бара, его нет на вип-балконе.

— Марика! — Маша с дикой силой дёргает меня за руку вниз со сцены, и я, словно сомнабула, потерявшая волю, бегу со всех ног за ней — прочь из ревущего особняка, прямиком в чёрную, непроглядную тьму Кронштадтского леса.

Мы рванули вглубь леса, прочь от слепящего неонового света особняка и от хохота, который разносился за спиной диким, злобным эхом.

Я бежала, наматывая метры по скользкой грязи, но разум отчаянно отказывался принимать происходящее. Это же чертов Питер. Двадцать первый век, современный мир… Ну не могут же люди средь бела дня устраивать реальную охоту на других людей! На живых девчонок! Может, Верник был прав? Может, всё это — просто какой-то запредельно жестокий розыгрыш, иммерсивный квест или мажорское шоу, в которое мы попали по глупой случайности?

— Марика, стой… стой, я больше не могу! — задыхалась бегущая рядом Маша.

Она спотыкалась буквально о каждое бервно, на коленях её штанов уже зияли рваные дыры, из которых сочилась кровь. Нам жизненно необходимо было найти хоть какое-то укрытие, забиться в нору. Десять минут форы давно истекли.

— Они ведь нас убьют, да? — скулила Маша, хватаясь за выпирающие рёбра. — Сначала изнасилуют, а потом просто пристрелят и сбросят в залив?

— А может… может, это все-таки розыгрыш? — сипло выдохнула я, но собственная фальшь резанула по ушам.

Я не успела договорить — совсем близко, буквально в десятке метров, лесную тишину порвал истошный, разрывающий душу женский визг.

От неожиданности мы с Машей синхронно рухнули на колени в сырой мох и на брюхе поползли к ближайшему густому кустарнику.

— Марика… — хныкала подруга, но я мгновенно навалилась на неё всем телом и Сквозь колючие, впивающиеся в лицо ветви я увидела, как на небольшую поляну выскочила незнакомая девчонка.

По пятам за ней гнался крупный, массивный мужчина. В два широких шага он сократил дистанцию и с размаху сбил её с ног. Девчонка кубарем покатилась по мокрой траве, втирая лицом жидкую грязь.

— Попалась, дорогуша, — хрипло заржал он, нависая сверху.

— Отпустите… пожалуйста! — молила она, задыхаясь от слез и размазывая по лицу грязь. — Помогите мне отсюда выбраться, я всё для вас сделаю… Всё, что захотите!

Вместо ответа он с садистским наслаждением сгреб её волосы в кулак, с силой запрокинул ей голову назад и прошипел прямо в губы:

— Ты и так всё сделаешь. Иначе просто сдохнешь прямо здесь. Поняла?

Его пальцы со всей дури сжались на её горле, грубо перекрывая воздух. Девчонка судорожно дернулась, захлебываясь слюной и грязью, её глаза дико округлились от подступающей асфиксии. Мужик рывком поставил её на колени перед собой в сырое месиво и, не ослабляя удушающего захвата на шее, другой рукой с треском расстегнул ширинку на брюках, нагибая её голову к своему паху и заставляя взять в рот его мерзкую сосиску.

Я не могла больше на это смотреть.

Внутри меня словно какой-то шнур замкнуло. Я сбросила руку с губ Маши и пальцами нащупала в темноте увесистую, сухую сучковатую палку.

— Марика, нет! — панически зашипела Маша мне вслед, но я уже не контролировала себя.

Разум отключился, оставив лишь чистый, слепой инстинкт. Я не смогу стоять в стороне и смотреть, как на моих глазах ломают и насилуют другую. Просто физически не смогу.

Мужик уже сжал скулы жертвы толстыми, грубыми пальцами, заставляя её оставаться на коленях, и второй рукой расстёгивал ширинку на брюках, пока девчонка тихо всхлипывала. Выскочив из тени деревьев, я замахнулась изо всех сил и с глухим стуком опустила палку прямо ему по затылку.

Мужик дико взревел, хватаясь за голову, а я подскочила, судорожно вцепилась в куртку рыдающей девчонки, дернула её на себя, схватила Машу, и мы со всех ног рванули дальше, в самую глухую чащебу.

Мы буквально ввалились внутрь густых колючих кустов. Спасённую девчонку колотила крупная, неуправляемая дрожь, зубы выбивали чечётку.

— Боже… Я думала, всё. Мне конец…

— Ты дура, Марика! — зашипела на меня Маша, тяжело дыша. — Теперь нас точно прикончат! Нашла кого спасать — какую-то шлюшку!

— Сама ты шлюшка, безголосая тварь! — моментально огрызнулась спасенная, утирая слёзы.

— Заткнитесь обе! — цедила я сквозь зубы, дико оглядываясь по сторонам. — Вообще молчите, ни единого звука больше!

Где-то вдалеке снова раздался раскатистый мужской хохот, следом — короткий женский крик и сухой, хлопающий звук выстрела. Эхо пронеслось над кронами деревьев и затихло.

Если девчонки и собирались продолжить перепалку, то мгновенно передумали, сжавшись возле меня.

Они порывались снова бежать, но я замотала головой, удерживая их за плечи. Место тут было тихое, глухое, окруженное плотным буреломом. Если забиться под куст и не отсвечивать, в принципе можно попробовать переждать тут до самого утра.

Мы лежали на холодной земле, тесно прижавшись друг к другу, отдавая остатки тепла. Но даже в этой леденящей тишине я не могла выгнать из головы отравляющие мысли.

Какую роль во всем этом кошмаре играет Тимур?

И где сейчас Карина?

Нашла ли она безопасное укрытие или прямо сейчас использует всю свою порочную сексуальность, чтобы просто выжить?

Вседозволенность. Именно её сегодня купили за огромные деньги эти богатые ублюдки. Здесь, в этом проклятом лесу, нет сутенеров, отцов, братьев — никого, кто мог бы встать на защиту девушек. Только темные деревья, глухой шум залива и их испорченные души, которые они окончательно спустили с цепи.

Глава 14

Мы лежали неподвижно, уткнувшись лицами в сырую землю.

Вокруг творился настоящий ад: дикие женские крики, глухие удары, раскатистый хохот и сухие, хлесткие щелчки выстрелов.

Весь лес превратился в кровавый аттракцион. Есть ли хоть один шанс, что нам повезет в нем не участвовать?

— Я Ульяна, — вдруг шепнула девчонка справа. – А вас как зовут.

— нашла время поговорить. Нужно молчать.

— Ну рядом же никого нет. Просто если я умру, мне хочется, чтобы хоть кто – то знал мое имя.

— Ты не умрешь, — отрезала я. – Зря я что ли тебя спасала.

— Зря конечно.

— Заткнись.

— Сама заткнись.

— Обе рты закройте или я сейчас вас одних оставлю.

Глупая угроза, да и что я собственно могу сделать, когда рядом три десятка возбужденных агрессивных мужчин.

— А ты круто поёшь, Марик… — вдруг сказала Маша. — Правда, очень круто. Всегда тебе завидовала.

— Если ты думаешь, что я сохраню это в тайне, то ты глубоко заблуждаешься.

Маша только хн7ыет, уткнувшись мне в плечо.

— Мне тоже пон7равилось, — закговорила Ульяна. – даже Каневский оцйенил.

Я только крепче зажмурилась, не веря в абсурдность происходящего. Вокруг люди борются за жизнь, а они решили обсудить мой вокал.

— Ты где-то занималась? — не унималась Ульяна.

— Когда-то… совсем маленькой, — сипло отозвалась я, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь колючие ветки.

— Ты же детдомовская.

— Ну я туда не сразу попала. У меня был дом. Родители.

Примерно такой же огромный, как тот, где я работаю няней.

— Почему нигде не выступаешь? — продолжает тараторить Ульяна. — Ты бы могла стать известной. С таким-то голосом.

— Ха! — ядовито прошипела Маша, вытирая со лба грязный пот. — Для этого надо ещё и пиздой торговать, а Марика у нас гордая! Принца ждёт.

— Замолчи, Маш, — цедила я сквозь зубы.

— Так вот они, принцы! — язвительно шептала подруга, махая рукой в сторону темного леса, откуда доносились звуки гонки. — Все тут, бери — не хочу!

Не хочу я таких принцев.

Перед глазами тут же вспыхнуло каменное лицо Тимура. Его тёмные, бешеные омуты. Я ведь знала, что он опасен, но я даже на мгновение не могла осознать – насколько. Я только надеюсь, что Карине сейчас теплее, чем мне.

— Чёрт… Если выберемся отсюда живыми, я точно запишусь на вокал, — с трудом переведя дыхание, прошептала Маша. Её голос в темноте звучал нервно, с истеричной смешинкой. — Ты наверное скажешь, что давно пора было?

— Ты и сама всё знаешь… — тихо отозвалась я, до боли в пальцах сжимая холодную, влажную землю. Лежатиь тут без движения ставновится все тяжелее.

— А я… я бы хотела завести собаку, — тихо шмыгнула носом Ульяна. — Маленького корги. Только у меня квартиры своей нет, а у хозяйки съёмной — дикая аллергия… Мечтала, вот накопила бы…

— Неннавижу собак. Особенно корги. Они дико агрессивные.

— Просто чуят суку, — огрызнулась Ульяна, а я пихнула ее в бок.

— Тихо. Слышите?

Совсем рядом, разрывая ночную тишину леса, раздался глухой, злой собачий лай.

— Господи… Они пустили собак! — сдавленно захныкала Маша.

— Всё, приехали, — я жестко дернула её за плечо, заставляя подняться. — Придётся бежать. Здесь нас найдут за пару минут.

Мы выскочили из кустов, не разбирая дороги.

Ветви хлестали по лицам, оставляли глубокие кровавые царапины на щеках, ломали ногти.

Ноги скользили по мокрой хвое, а сзади — всё ближе и ближе — доносился хриплый, тяжёлый собачий гвалт и топот берцев.

Мы неслись прочь, задыхаясь от жгучего, ледяного воздуха. Внезапно бежавшая первой девчонка споткнулась, с брызгами влетев по щиколотку в глубокую, зловонную лесную лужу.

— Ой, фу-у-у… как грязно! — заорала она, останавливаясь и судорожно тряся испачканной ногой.

В моей голове словно щелкнул выключатель.

Собаки! Они ищут по запаху!

— Вниз! Быстро! — я резко, не церемонясь, толкнула Машу прямо плашмя в эту чавкающую жижу и сама со с размаху рухнула рядом.

— Ты что, совсем ебанулась?! — заорала Маша, захлёбываясь грязью.

— Перебей запах! Мы грязные — сможем спрятаться! Ульяна, не стой! Принимай грязные ванны, если жить хочешь!

Я стала судорожно, с остервенением черпать руками холодную, пахнущую прелью и гнилью массу, растирая её по лицу, шее, волосам, втирая в ткань одежды. Девчонки, поняв замысел, с отчаянием начали повторить за мной, измазывая руки и грудь.

Мы притихли, когда совсем близко раздался лай.

В пяти метрах от нас раздался треск, и какая - то незнакомая мне девушка визгливо, оглушительно закричала.

— Попалась, сучка! — заржал грубый мужской голос.

Мы с Машей и Ульяной мгновенно вжались в грязевую жижу, замерев и почти перестав дышать. Сквозь редкие стебли папоротника всё просматривалось до тошноты отчётливо.

Девчонку сбили с ног.

К ней тут же подоспели ещё трое мужчин, держа на коротком поводке изошедшую пеной овчарку. Пёс ткнулся носом в сторону нашей лужи, оскалился, но жирный заслон из перегноя и болотной вони сбил его с толку.

Пёс отвернулся и глухо зарычал на лежащую на земле жертву.

— Не нашли больше никого, — бросил один из мужиков, делая шаг вперед.

Он без тени сомнения наступил тяжелым ботинком на подол тонкого платья девчонки и с треском рванул его вверх.

Ткань лопнула по шву до самой талии.

Ещё никогда в жизни я не ощущала такой всепоглощающей, выжигающей изнутри ненависти ко всему мужскому роду.

Больные, скотские ублюдки, которые ради всплеска адреналина полностью забыли о человечности.

Девчонка орала так дико и оглушительно, что мне хотелось зажмуриться, зажать уши и провалиться сквозь землю. Но я не могла.

Я была словно прикована к этой сцене, в ужасе наблюдая, как эти твари обступают её плотным кольцом, как грубо ставят её на колени на острые коряги.

Один из них — тот самый «великодушный» хозяин вечера в дорогой куртке — опустился перед ней на корточки и почти ласково, кончиками пальцев погладил её по перемазанной слезами щеке.

— Жить хочешь, Золушка? — тихо, с глумливой нежностью спросил он.

Она отчаянно, судорожно закивала головой, пока пёс надрывно лаял прямо у её лица. В её глазах читался абсолютный, животный страх.

Ледяная грязь пробирала до самых костей, мокрая одежда липла к телу смертельным панцирем, но я чувствовала лишь дикую, скручивающую желудок тошноту. Тошноту от того, как легко эти мрази пользуются своим безнаказанным положением. И от того, как они прямо сейчас пустили эту несчастную девушку «по кругу» — на троих.

Она даже не сопротивлялась.

Она была ослеплена фальшивой надеждой выжить, а может — в её сломанном паникой мозгу проскользнула мысль — даже уйти отсюда к утру с деньгами.

И тогда она, конечно, всё забудет. Забудет, как её толкали и бросали от одного к другому, как грязные пальцы впивались в бедра.

Забудет даже то, как один из них со смехом прижал к её голым рёбрам кончик дымящейся сигареты, выжигая на коже алое, обугленное клеймо.

Девчонка лишь глухо завыла от адской боли, но не вырвалась.

Я на миг зажмурилась, мысленно пытаясь оказаться где угодно — на другой планете, в детстве, в аду — но только не здесь.

Спустя вечность всё было кончено.

Девчонка тихо, прерывисто хныкала, лежа в грязи, вся испачканная мутной семенной жидкостью и плевками, бессильно прикрывая лицо дрожащими руками.

А наши с девочками ладони до крови впивались в собственные губы, сдерживая рвущийся наружу крик ужаса.

Когда все кончилось, мужики застегнули ширинки и выпрямились.

- Меня отпустят домой? Я хочу домой, - хнычет девчонка и я бы многое отдала, чтобы найти в себе смелость спасти ее.

— Тащи её в дом, — вытирая руки платочком, бросил главный.

— Сам тащи, — раздался неожиданно знакомый голос. — Я к ней не притронусь.

— Ты сделаешь всё, как велят, музыкантишка, — ядовито перебил его старший. — Иначе сам прямо сейчас окажешься на её месте. А что? Таких игр у нас с парнями ещё не было.

Мы с Машей переглянулись. Сердце в моей груди пропустило мощный удар.

Кого из группы он имеет ввиду?

Глава 15

Вдалеке снова истошно, раздирая ночную тьму, закричала девчонка.

Я дёрнулась вперёд, готовая сорваться с места и бежать на этот крик, броситься туда вслепую, лишь бы вытащить её, перекрыть этот ад. Но пальцы Маши и Ульяны намертво вцепились в мои рукава, затягивая обратно в колючие ветви.

— Марика, стой! Ты с ума сошла?! — в панике зашептала Маша, с силой вжимая меня в сырую траву. — Ей уже не помочь! Слышишь? Не помочь!

— Пусти… — хрипела я, задыхаясь от рвущегося наружу крика. — Мы не можем просто сидеть…

— Можем! Если высунешься — нас прямо здесь положат! — зашипела Ульяна, сжимая мои плечи до синяков. – Маричка, пожалуйста, не оставляй нас. Я без тебя умру.

Бессилие накатило такой удушливой, свинцовой волной, что перед глазами всё поплыло.

Я уткнулась носом в мокрое плечо Маши, маши блин, с которой еще несколько часов назад даже за стол бы обедать не села.

— Это сон, это просто ужасный сон, — впервые за всю эту проклятую ночь беззвучно, горько разрыдалась.

Меня колотило крупной, неуправляемой дрожью. Вся моя напускная храбрость, вся пацанская дерзость рассыпались в прах перед этим звериным, ледяным ужасом.

Холод пробирался под кожу, превращая мышцы в деревянные культяпки. Одежда липла к телу мерзкой ледяной коркой. Пальцы окончательно онемели.

— Всё, хватит сидеть, — я оторвала лицо от Машиного плеча, судорожно утирая слёзы грязным рукавом. Вокруг стояла подозрительная, звенящая тишина. — Надо уходить. Идём к заливу.

— К воде? Зачем? — испуганно захныкала Ульяна. – Давай останемся тут? До утра. Может быть нас не найдут?

— Тут мы умрем от холода, нужно двигаться. Тем более там могут быть лодки или старые причалы. Пересидим у кромки или уплывём отсюда к чёртовой матери, — бросила я, поднимаясь на четвереньки. — Ну давайте, нельзя тут больше оставаться.

Я буквально волокла их за собой сквозь бурелом.

Девчонки еле переставляли ватные ноги, спотыкались о корни и тихо скулили от каждого шороха. Воздух становился всё более влажным и солёным, сквозь густые кроны потянуло сырым ветром с залива. Я не могла отделаться от мысли, что среди ублюдков, терзавших ту девчонку был и наш… А если бы это был Костя? Это ведь мог быть и Тим… Господи… Да кто угодно. Они все моментально превратились в животных, которые сожрали совесть вместе с моральным кодексом.

Пройдя еще немного на полусогнутых, двигаясь от дерева к дереву, мы наконец выбрались к редколесью у самой береговой линии и замерли, спрятавшись за массивным стволом вековой сосны.

Прямо перед водой, метрах в пятнадцати от нас, на песке сидел парень.

Спиной к лесу.

Он неторопливо подбрасывал сухие ветки в небольшой, едва тлеющий костерок и тихо, себе под нос, что-то напевал.

— Это Костя… — выдохнула Маша, и её глаза ошарашенно округлились. — Марика, это точно Костя!

Она уже сделала шаг вперёд, готовая выскочить на открытый берег, но я намертво перехватила её за запястье:

— Стой! Не смей.

— Ты чего?! Это же Кос!

— Каневский сказал ясно: либо ты жертва, либо охотник. Костя остался в доме! Он согласился на их правила, Маш. Ты не знаешь, что у него на уме!

— Он не такой! Он никогда бы не стал нас сдавать. Кого угодно, но только не нас. — Маша с силой вырвала руку и, наплевав на всю осторожность, бросилась к костру и зашептала: — Костя!

Парень резко подскочил, оборачиваясь.

На его лице мелькнул дикий шок, но уже через секунду Маша врезалась в него, и Костя крепко, до хруста сжал её в объятиях, зарываясь лицом в её грязные растрёпанные волосы.

Они о чём-то быстро и нервно заговорили шепотом.

В этот момент далеко в глубине леса гулко грохнул очередной выстрел. Я закрыла глаза, чувствуя вину перед той, кого не смогла спасти, даже если застрелили не ее.

Костя мгновенно среагировал на звук — дёрнул Машу себе за спину, закрывая телом, и вытянул руку в сторону залива.

Маша обернулась и отчаянно замахала нам руками, призывая выйти.

Я сжала зубы, но все — таки медленно вышла из-за дерева, прикрывая собой Ульяну.

— Ну вы и измазались, девчонки, — Костя нервно, слегка виновато усмехнулся, оглядывая наш дикий вид.

Заметив мой колючий, напряжённый взгляд, он поднял свободную ладонь:

— Да не смотри ты так, Марик. Я помогу вам выбраться.

— Почему? — холодно спросила я, не подходя близко.

— Ну и вопросы у тебя в такой момент, — он покачал головой. — Так мы идём до лодки? Или ты так и будешь эту дубину на меня наставлять? Она всё равно не выстрелит.

Я опустила глаза и только сейчас осознала, что до белых костяшек сжимаю в руках ту самую увесистую сучковатую палку. Пальцы разжиматься отказывались.

— Показывай свою лодку, — медленно кивнула я, не опуская оружия.

Костя повёл нас по узкой песчаной косе вдоль тёмной кромки воды, постоянно озираясь по сторонам.

Только сейчас в тусклом лунном свете я заметила, что в его правой руке тускло поблёскивает вороненый металл пистолета.

— Да не трясись ты, — бросил он мне через плечо. — Если кто полезет — прикрою.

— Я не трясусь. Я просто хочу убраться из этого ада.

— И я, поверь, — мрачно отозвался парень.

— Ты правда не знал, куда нас везёшь? — не выдержала я. — Что здесь устроят бойню?

— Шутишь?! — Костя резко обернулся, и в его глазах блеснула неподдельная обида. — Да разве я привёл бы сюда Машу? Группу? Тебя? Я думал, это обычный закрытая пати для богатых спонсоров!

— Ладно, верю… — я шумно выдохнула, пытаясь унять стук в висках. — Просто в голове не укладывается. Если они устраивают это дерьмо каждый год… как их до сих пор не накрыли?

— Так они телефоны забирают. Потом свидетелей убирают, — предположила Маша.

— И как они вообще заманивают сюда столько девчонок?

— Так это всё Хантер, — внезапно подала голос Ульяна, зябко кутаясь в грязь собственной куртки. — Он у них скаут. Агент.

Земля под ногами словно накренилась.

— Тим?.. — мой голос сорвался на сиплый фальцет.

— Ну да, — кивнула она. — Он вышел на меня в клубе недели три назад. Сказал, что работает на крупного продюсера, который ищет новые типажи для европейских каталогов.

— И ты просто так поверила?

— А почему нет? Он показал реальный сайт, возил по бутикам, шмотки покупал, салон оплатил… Нормально так бабла в меня влил. Выглядел солидно, уверенно.

В груди всё перевернулось и сжалось в омерзительный ком.

— Ты… спала с ним? — вопрос вылетел изо рта прежде, чем я успела себя остановить. Господи, какая же я идиотка, зачем я вообще об этом спрашиваю в разгар смертельной охоты?!

— Я думала, он захочет, — девчонка пожала плечами. — Сама к нему клеилась, Тим ведь нереально горячий парень. Наверное, это меня окончательно и подкупило. Он не стал пользоваться ситуацией. Сказал, что между нами только бизнес.

— Какое поразительное благородство, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает яд.

— А с твоей сестрой он спал? — тихо спросила молчавшая до этого Маша.

Я лишь молча кивнула, отводя взгляд. Всё сходилось. Схема была абсолютно одинаковой. За одним лишь исключением: с Кариной Тим сначала закрутил роман, а уже потом начал вливать в уши сказки про Каневского, Париж и миланские подиумы. Он методично готовил её на убой.

А я…

Я ведь чуть не поверила, что под его броней есть хоть капля человеческого.

Мы обогнули скалистый выступ, и среди прибрежного камыша на тёмной глади залива показался силуэт небольшой лодки на веслах.

Громадная, обжигающая волна облегчения буквально заполнила лёгкие, выбивая весь страх.

Не обманул. Костя не соврал, лодка действительно была здесь.

Ещё пара минут — и мы вырвемся из этой кровавой ловушки. Доплывём до материка, вызовем полицию, спецназ, поднимем на уши весь город и спасём остальных. Кошмар наконец-то закончится.

***

Глава 16

Лодка ткнулась носом в мокрый песок с глухим, деревянным стуком, и в груди у меня на секунду распустилось что-то тёплое, почти забытое — надежда.

— Ну всё, — выдохнул Костя, хватаясь за борт. — Быстро внутрь, я столкну.

Ульяна первая рванула вперёд, спотыкаясь на нетвёрдых ногах, я — следом, держа палку наперевес, будто она вообще могла бы нас теперь спасти. И только Маша осталась стоять у кромки воды, не двигаясь.

— Маш, ну чего ты? — я обернулась, протягивая ей руку. — Давай, залезай.

Она смотрела не на меня. Она смотрела куда-то за моё плечо, в темноту леса, и на её лице вдруг проступило странное, совершенно чужое спокойствие. Такого спокойствия на этом лице не было даже в самые страшные часы этой ночи.

— Прости, Марик, — тихо сказала она. — Правда прости.

И включила фонарик на своих часах.

Три коротких вспышки. Пауза. Ещё одна.

Я не сразу поняла, что это — сигнал, слишком мой мозг был вымотан, слишком хотелось верить, что она просто в панике не понимает, что делает. Но потом из чащи, оттуда, где несколько минут назад мы прятались за той самой вековой сосной, вышли люди.

Не с фонарями — с чем-то похуже, с той уверенной, неторопливой походкой, с которой давеча выходил из особняка «хозяин вечера».

— Беги! — заорал Костя, разворачиваясь спиной к воде, заслоняя нас с Ульяной корпусом, и в его руке блеснул металл.

— Некуда бежать, музыкантишка, — раздался знакомый, вкрадчивый голос. — Ты ведь помнишь, что я сказал про игры, которых у нас ещё не было?

— Маша, ты что творишь?! — крикнула я, чувствуя, как земля под ногами превращается в кисель. — Ты же с нами всю ночь…

— А ты всю жизнь думала, что тебе одной положено быть особенной, — её голос дрогнул, но не сорвался. — Пока ты в школе на скейте каталась и парней динамила, я петь училась у чужих педагогов за долги родителей. Мне давно предложили выбор: или я работаю на них, или мою мать выселяют из квартиры. Так что не смотри на меня, как на чудовище. Я просто выжила. И сегодня выживу снова.

Костя не успел договорить то, что хотел, — тень метнулась сбоку, кто-то из мужчин ударил его в висок чем-то тяжёлым, и пистолет вылетел у него из руки, зарываясь в песок.

Костя пошатнулся, но устоял, попытался ударить в ответ — и тогда их было уже двое, и они просто взяли его за руки и за шиворот куртки, и потащили к воде.

— Нет! — заорала я, бросаясь вперёд, но чья-то рука сгребла меня за волосы, вздёргивая назад, вышибая воздух из лёгких. — Костя!

Его швырнули с маленького деревянного мостка в чёрную, ледяную воду залива — без замаха, без раздумий, как швыряют мешок с мусором. Всплеск, короткий, тяжёлый. Пузыри. Тишина.

Он не вынырнул сразу.

— Утонет — туда ему и дорога, свидетелей меньше, — равнодушно бросил один из мужчин, отряхивая ладони.

— Костя! — я рвалась изо всех сил, но хватка на моих волосах только сильнее вжимала голову назад, к чужому плечу, и я видела уже не воду, а низкое, затянутое тучами небо.

Ульяну оттащили в сторону, не тронув, — её, кажется, здесь вообще никто всерьёз не считал добычей, только разменной монетой. А Маша стояла у самой кромки воды, обхватив

себя руками, и на её лице было что-то, отдалённо похожее на сожаление. Но она не сдвинулась с места. Не закричала. Не бросилась спасать никого из нас — ни Костю, ни меня.

— Молодец, деточка, — «хозяин вечера» подошёл ближе, вытирая руки уже знакомым мне белым платком, будто вокруг не было ни грязи, ни крови, ни только что утонувшего мальчишки. Он остановился напротив меня, склонил голову набок, разглядывая, как разглядывают товар. — А ты хороша. Прямо на удивление хороша для случайной гостьи.

— Отпустите меня, — прохрипела я, хотя голос звучал жалко даже для собственных ушей.

— Отпустить? — он усмехнулся, коротко, почти по-доброму, отчего сделалось только страшнее.

Взял меня за подбородок двумя пальцами, приподнимая лицо к свету дальнего фонаря на пирсе, разглядывал, будто оценивал породистую лошадь.

— Марика, верно? Знаешь, как давно у меня не было такой, как ты? Нетронутой. Настоящей. Все вокруг только притворяются невинными, а в тебе это по-настоящему — я вижу.

У меня внутри всё оборвалось и заледенело разом.

— Ну что, Марика, — он выпрямился, кивнул куда-то в сторону воды, туда, где всё ещё расходились по чёрной глади мелкие круги. — Здесь начнём, под последний вздох твоего дружка, или всё же в дом пойдём? Мне, честно говоря, без разницы.

И тогда, чуть левее, у самой кромки деревьев, я увидела его.

Тим стоял в тени, засунув руки в карманы, будто здесь, на этом кровавом берегу, для него не было ничего особенного, ровным счётом ничего нового.

Его силуэт я узнала бы из тысячи — эти плечи, эта поза, эта неподвижность камня. И что-то внутри меня оборвалось окончательно, лопнуло, как перетянутая струна.

Я не помню, как вырвалась. Помню только, что чьи-то пальцы разжались от неожиданности, и я уже летела вперёд, к нему, с диким, звериным криком, и мои короткие ногти впивались в его лицо, раздирая кожу до крови.

— Ублюдок! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Каневский за спиной захохотал, громко, с удовольствием, будто ему только что показали лучший номер вечера.

Тим не пытался меня остановить руками — просто дёрнул плечом, коротко и грубо, и от этого толчка я отлетела назад, прямо в те же самые чужие руки, которые тут же сомкнулись на мне мёртвой хваткой. На его щеке, там, где я разодрала кожу, уже темнели красные полосы, но он даже не поднёс к ним ладонь.

— Возьми подружку, — коротко бросил Каневский, даже не глядя в мою сторону.

Один из мужчин рывком запрокинул Ульяне голову, и холодное лезвие легло ей на горло. Девчонка захрипела, замерла, боясь даже сглотнуть.

— Ну давай, Марик, — Каневский снова повернулся ко мне, и в его голосе появилась почти ласковая, снисходительная нотка. — Ничего сложного. Идёшь со мной, становишься моей игрушкой на ночь — а я не трону ни твою новую подружку, ни твою сестру.

— Где Карина?! — закричала я, забыв обо всём остальном.

— Совсем скоро сможешь её увидеть, — он улыбнулся. — Ну что?

— Что мешает вам просто изнасиловать меня прямо тут, как ту, другую? — выплюнула я сквозь зубы, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы.

— Не люблю крики, — он поморщился, будто я сказала что-то вульгарное. — Люблю, когда девочки сами, добровольно раздвигают свои стройные ножки. Так гораздо приятнее.

Вы отвратительны.

Каневский коротко кивнул — и в ту же секунду одного из бандитов ударил Ульяну кулаком прямо в живот. Она согнулась пополам с сдавленным, задушенным хрипом:

— Помоги...

— хватит! — заорала я. — Ладно, ладно! Я пойду! Сделаю всё, что вы хотите, только отпустите её!

— Утром, — равнодушно бросил Каневский.

— Сейчас!

— Условия здесь ставлю я, — он навис надо мной, и голос его вдруг сделался жёстким, как металл. — Либо вы обе уходите отсюда вместе, утром, целые. Либо она остаётся тут навсегда. Выбирай.

— Марик… пожалуйста… — прошептала Ульяна, и в её глазах, мокрых от слёз и ужаса, была одна только надежда, обращённая ко мне. — Спаси меня.

Я закрыла глаза на секунду. Одну-единственную секунду — чтобы собрать по кусочкам то немногое, что ещё оставалось от моей гордости.

А потом сама, без чужих рук, шагнула вперёд.

— Я сама, — выдавила я, дёргая плечом, стряхивая с себя хватку державшего меня мужчины. — Сама пойду.

Глава 17

Я шла, спотыкаясь о корни. Падала, но Хантер снова поднимал меня, держа за предплечье.

— Я предупреждал, чтобы ты свалила.

— Какой благородный. Я сейчас расплачусь.

— Дура добродушная. Эта девчонка не стоит спасения.

— А кто стоит? Наверное, в твоём извращённом понимании мы все — куски мяса.

— Так и есть.

— Да отпусти ты! Я сама пойду.

— Не рыпайся.

— Где Карина?

— В доме.

— Что вы с ней сделали?

— Совершенно ничего.

— Тимурка, хватит болтать, а то ещё влюбишься, — смеётся Каневский, проезжая рядом на квадроцикле. На меня смотрит плотоядно. — Хочешь со мной, м-м? Идти не придется.

— Я лучше пешком.

— Оттягиваешь десерт — похвально. Отмоешь её и приведёшь ко мне.

— Понял, — отвечает Тимур и тащит меня быстрее, словно хочет избавиться от навязанной обязанности.

Катю тоже ведут впереди, она хнычет, снова и снова спотыкаясь. Но никто не предлагает ей ехать на квадроцикле — её просто продолжают тащить, даже когда она падает.

— Ей же больно! — рвусь к ней, но Тимур оттаскивает меня обратно.

В итоге девчонку просто берут на руки и несут вперёд, а я снова оглядываюсь на водную гладь, на лодку, которая могла бы увезти нас на свободу, в мир, где такие истории читаешь только в криминальных хрониках и смотришь в документальных фильмах.

— У вас бы всё равно не получилось уплыть. У нас там везде патрули.

— Мы бы хотя бы попытались. А ты даже не пытаешься — работаешь на этого урода, как щенок, ждущий одобрения.

Секунда — и боль пронзает щёку.

Я валюсь прямо на сырую землю, а Тимур стоит надо мной.

Чувствую во рту привкус крови и сплёвываю.

— Ты бы поаккуратнее с товаром, а то потом придётся перед хозяином отвечать.

— Заткнись. Не строй из себя святую. Это ты сейчас ерепенишься. А стоит получить бабки легко и просто, как тоже станешь такой же продажной сукой, как твоя сестра.

— Заткнись! Ты ничем ты лучше? Или ты тут не ради денег, а ради благой цели — осчастливить своего кумира, долбанутого богача?

— А я и не притворяюсь хорошим. Мне это не нужно.

— А что нужно? Мучить людей? Издеваться? Давать шанс, а потом смотреть, как как люди умирают?

— Пошли, хватит болтать, — поднимает он меня и тащит, только вот моя нога застревает между корнями, а когда он сильнее дёргает, я чувствую адскую боль в ноге, словно её порезали. Ору в голос, опускаю глаза и понимаю, что поцарапала до крови ногу.

— Идиотка! специально это сделала?

— У меня недостаточно больная фантазия, чтобы специально себе вредить, — дёргаю ногой, которую он пытается осмотреть.

— Тут всё равно ничего не видно, — наклоняется он, осматривая меня и подсвечивая фонариком.

Он держит мою лодыжку так, будто ему и правда важно, что там, под коркой засохшей крови и грязи — не поза, не игра на публику, просто механическое внимание к «товару». Голова его опущена, взгляд прикован к ране. Затылок — рядом, совсем близко, беззащитный.

Мысли обрушиваются разом, без очереди. Вот он, момент. Может, единственный за всю ночь. Сердце колотится так, что я слышу его в ушах громче, чем шум ветра в кронах. Рядом лежит сучковатая палка, толстая, тяжёлая.

Если я сейчас не сделаю этого — не сделаю никогда. Второго шанса не будет. Он свяжет ногу, потащит дальше, и через десять минут я окажусь перед Каневским, а потом перед тем, кого называют хозяином. И тогда всё, что случится дальше, будет случаться уже без меня — просто с моим телом.

Наклоняюсь максимально медленно. Пальцы сами стискиваются на ветке. Ладонь потная, скользкая, но хватка мёртвая.

Секунда тянется, как смола. Успею ли. Услышит ли он раньше, чем я замахнусь. Что если удар выйдет слабым, и он просто обернётся с этой своей кривой усмешкой…

Не думать. Просто бить.

Я поднимаю ветку — не размашисто, чтобы не спугнуть раньше времени, а резко, из локтя — и со всей злости, какая только скопилась во мне за эту ночь, обрушиваю её на затылок.

Звук получается глухим, тупым, каким-то ватным — не как в фильмах, без эффектного хруста, просто короткий влажный удар дерева о кость. Тимур издаёт короткий, сдавленный звук — не крик, скорее хриплый выдох, — и заваливается вбок, одной рукой инстинктивно хватаясь за голову, а другой — уже безуспешно — за землю, пытаясь удержать равновесие.

Он не теряет сознание. Это я понимаю почти сразу, боковым зрением увидев, как его пальцы разъезжаются по грязи, как он рычит что-то невнятное, полу-стон, полу-ругательство, и приподнимается на локте.

Но мне хватает и этого.

Я не оборачиваюсь, чтобы проверить, достаточно ли он оглушён — на это нет времени, на это нет вообще ничего, кроме ног, которые уже несут меня к воде. Нога горит огнём при каждом шаге, ветки хлещут по лицу, но я не чувствую ни того, ни другого — тело будто отключило всё, кроме одной команды: беги.

Позади — тяжёлый треск, его голос, хриплый, злой, что-то похожее на моё имя, разорванное пополам. Я не оглядываюсь. Оглянуться — значит замедлиться на долю секунды, а у меня нет и её.

Залезаю в лодку и хватаю весло.

Нога болит адски, но это ничего против той надежды, что возникает в голове.

Сейчас я доплыву до другого берега, позову полицию — и всех спасу.

В подробностях опишу, какой ад тут устроили богачи.

А потом обязательно найду журналиста и назову все имена ублюдков, которые устроили эту вечеринку.

Я всё плыву и плыву, чуть пригнувшись, чтобы меня не заметили патрули. Но никого не видно. Наверное, тоже в доме развлекаются с бедными девочками.

Гребу одним веслом, как могу, как вдруг вижу на берегу фигуру.

Хантер. Точно он.

Он быстро заходит в воду, а потом начинает плыть. Не просто плыть, а грести так, словно в его теле работает какой-то механизм. Я стараюсь грести всё быстрее, но это кажется бесполезным, потому что в следующую секунду в лодку что-то бьётся.

Я встаю на ноги, хватаю весло, готовая ударить этого урода, убить его, если потребуется.

Но вдруг лодку качнуло, и я с визгом полетела в воду.

Холод буквально пронзил тело, ноги онемели, а я стала барахтаться, словно впервые попала в воду.

Захлёбываюсь, кричу.

И вдруг чужая рука хватает меня за ворот рубашки и тянет наверх.

Я вижу перед собой лицо Тимура, пытаюсь оттолкнуть его, но он легко вытягивает меня в лодку, разворачивает лицом вниз и связывает руки за спиной.

— Вот и помылась.

Он хватает мою ногу.

— Да не дёргайся ты, рану посмотрю. Надо обработать чем-то, пока ты не стала фетишом для совсем другого маньяка.

Я бы и могла сказать что-то острое, но зубы стучат так, что не могу произнести ни слова. В какой-то момент просто отключаюсь, лишь чувствую, что сначала мы плывём, а потом я словно лечу по воздуху.

Плевать, на всё плевать. Пусть сделают своё грязное дело — я буду жить дальше.

Если, конечно, буду жить…

Сознание возвращалось рывками. Сначала — тряска, ровные, тяжёлые шаги. Потом — резкая боль в животе от того, что меня несли, перекинув через плечо, как мешок. Кровь стучала в висках, каждый шаг отдавался тупым ударом под рёбрами.

Я разлепила глаза.

Перед лицом покачивалась его спина — мокрая футболка, к которой прилипла ткань, и чуть ниже, на бедре, в подсумке — кобура. Рукоять пистолета тускло блеснула в свете, пробивавшемся через кроны.

Руки всё ещё были связаны, но теперь они свешиваются вниз. Он ничего не подозревал. С чего ему подозревать — я же захлёбывалась в озере, обмякшая, как тряпка.

Сердце колотилось так, что я боялась — он почувствует через плечо.

Одна попытка. Если он почувствует — всё, конец. Я схватила пистолет, а потом рванулась вбок, соскальзывая с его плеча.

Я рухнула на землю, откатилась и вскочила, наставляя пистолет на него обеими руками — как когда-то видела в фильмах, хотя пальцы тряслись так, что мушка ходила ходуном.

Тимур замер.

Он не рванулся ко мне, не потянулся к поясу — просто медленно, очень медленно поднял раскрытые ладони на уровень груди. В темноте леса его лицо было почти неразличимо, только глаза — светлые, внимательные, без тени паники.

— Спокойно, — сказал он тихо, как будто говорил с раненым зверем, а не с человеком, который целится ему в грудь.

— Заткнись, — голос сорвался на хрип. Руки болели после верёвки, каждая мышца дрожала от холода и адреналина, но я держала пистолет крепко. — Ещё шаг — и я стреляю.

— Ты даже не знаешь, снят ли он с предохранителя, — он не двигался, но в голосе прорезалось что-то похожее на любопытство.

— Мне плевать. Я разберусь.

— Марика…

— Не смей произносить моё имя, — я сделала шаг назад, к воде, не опуская руки. — Ты знал. Ты с самого начала знал, кто такой Каневский, и всё равно привозил сюда девчонок. Мою сестру. Меня.

Он молчал секунду, потом чуть склонил голову набок, будто оценивая, сколько во мне решимости на самом деле выстрелить.

— Знал, — сказал он просто. Без оправданий, без «но».

Именно эта правда ударила больнее, чем любая ложь.

— Выведи меня отсюда, — процедила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё тряслось мелкой дрожью. — Выведи меня. Сейчас же. Или клянусь, я нажму на курок.

— И что дальше? — он не отступил ни на шаг назад. Наоборот — качнулся вперёд, будто мои слова были не угрозой, а приглашением. — Пристрелишь меня посреди леса, а потом что? Пойдёшь одна, не зная дороги, с порезанной ногой, мимо электрической ограды и десятка вооружённых мужиков? Молодец, план что надо.

Он сделал еще шаг.

— Стой на месте!

— Или что? — ещё шаг. Он сокращал расстояние медленно, но неумолимо, как будто у нас была целая вечность, а не доли секунды. — Стреляй, Марика. Ну же. Вот он я. Ты же хочешь отомстить за свои страдания. За страдания сестры. Девчонок. Там сейчас такая адская групповуха и всему виной я.

— Ты ублюдок.

— Стреляй!

Мой палец лежал на курке. Я знала — надо просто сжать. Несколько миллиметров хода, и всё закончится. Но перед глазами вдруг встало его лицо в ту ночь у машины, тепло его руки, странная, необъяснимая забота посреди всего этого ужаса — и палец предательски замер.

Но тут же в голове вспыхнул крик Кати и я нажала на курок.

Ничего не произошло. Ничего! Я нажимала и нажимала, а Тим только шире улыбался.

Он рванулся вперёд быстрее, чем я успела осознать движение, перехватил моё запястье и одним рывком вывернул руку вбок — пистолет глухо стукнулся о землю где-то в стороне.

Я вскрикнула от боли, а в следующий миг он уже прижимал меня спиной к стволу дерева, коленом удерживая мои ноги, вновь заводя руки за спину.

— У тебя почти получилось, — процедил он мне на ухо, туго затягивая узел на запястьях.

Я обмякла у ствола, чувствуя, как ярость сменяется опустошением. Шанс был. Он был настоящим. Но пистолет был незаряжен.

А был ли шанс. Или моя судьба была предрешена в тот момент, когда я увидела этого дьявола?

— Ненавижу тебя, — прошептала я, уже не пытаясь звучать грозно, просто выплёвывая правду.

— Знаю, — он поднял пистолет с земли, деловито проверил его, спрятал обратно в кобуру, застегнул на этот раз плотно. — Все закончится быстро. Он долго не трахает. А завтра уже будешь со своей квартирой и оплаченной учебой. Я прослежу.

Глава 18

Хантер

Удивляюсь, как её вообще ветром не сносит — лёгкая, мокрая, обмякшая, как тряпичная кукла у меня на руках. Затаскиваю её в дом, шагаю мимо распластанных в похотливом угаре тел на первом этаже — никто даже не поднимает головы, тут этим никого не удивишь, — и поднимаюсь на второй этаж.

Эта комната для особенных девочек. Для тех, кто приглянулся самому Каневскому.

Я с самого начала знал, что Марика может стать одной из них. Знал ещё в тот первый раз, когда увидел ее возле Карины, она молча взяла свой скейт и сдела вид, что не видит моего голого тела, на котором скакала в тот момент ее сестра. Такой типаж он любит больше всего — колючих, гордых, тех, кого приятно ломать медленно.

Но понятия не имел, что она вообще может оказаться на подобной вечеринке. За всё то время, что я её знаю, она нигде не бывала, кроме учёбы и своего скейт-парка. Маленькая упрямая заучка с содранными коленками. Как она вообще здесь очутилась — отдельный вопрос, который я обязательно себе задам. Позже. Не сейчас.

Теперь уже поздно.

Теперь она станет ещё одним солдатом в армии Каневского — одной из тех, с чьей помощью он довольно резво поднимается по своей грязной лестнице власти.

— Тим, здорово, — в комнату входит Васёк. Обычно это он приводит девчонок в порядок перед клиентами: отмывает, зашивает, гримирует синяки так, что их не видно даже вблизи. Он окидывает Марику быстрым, оценивающим взглядом, каким смотрят на товар, только что снятый с полки. — Хорошенькая. Ну всё, дальше я сам справлюсь. А чего она мокрая?

— Уплыть пыталась.

— Лихо, — Васёк присвистывает, уважительно качая головой, и тянется за перчатками. — Далеко не уплыла, я так понимаю.

— Не уплыла.

— Ну ты иди.

— А у тебя работы нет?

— Полно, — он кивает куда-то в сторону соседних дверей, за которыми глухо доносятся звуки чужой возни и стонов.

— Ну и иди. Я с ней сам закончу.

Васёк смотрит на меня удивлённо — я никогда не задерживаюсь дольше, чем нужно, чтобы сдать «груз» и уйти, — но пожимает плечами и уходит, насвистывая что-то невнятное себе под нос.

Я возвращаю взгляд на лежащую без сознания Марику.

Наклоняюсь, стягиваю с неё мокрые джинсы. Когда на глаза попадаются простые белые трусы с Симпсонами, из меня вырывается короткий, невольный смешок. Обрабатываю рану на голени. Нормально она себе засадила — глубокая, рваная, шрам, скорее всего, останется. А для работы это ничего хорошего не значит. Каневский такое не любит: товар должен быть безупречным.

Набираю его номер.

— Чего, я тут занят немного? — голос Каневского в трубке смазан, лениво-довольный.

— Марика напоролась на сук. Рана рваная. Зашить бы.

— Ну так зашей, что мешает?

— Это время займёт.

— У меня пока есть чем заняться, — короткий смешок, приглушённый женский вскрик где-то на фоне. — Она может и до утра подождать.

Странное дело — я даже немного рад. Ещё час, и Марика будет полностью в моём распоряжении, и мне за это не придётся ни перед кем отчитываться.

Поднимаю её на руки и несу вниз, в операционную. Здесь порой мы и делаем девок «целками» обратно — Каневский особенно ценит эту иллюзию для особых клиентов. Но еще больше ценит настоящих целок.

Кладу Марику на кушетку. Холодный свет ламп над головой безжалостно высвечивает каждую царапину, каждый синяк на её коже — на скулах, на предплечьях, там, где её тащили через лес.

Снимаю с неё рубашку, фиксирую тело эластичной лентой, стараясь не задерживать взгляд дольше, чем нужно для дела. Обрабатываю руки, надеваю перчатки, ставлю обезболивающее и принимаюсь зашивать рану.

От неё не пахнет ни грязной водой из залива, ни тиной, ни страхом. Наоборот — даже сейчас от неё исходит какой-то свой, особый запах. Что-то цитрусовое, пряное. Не понимаю, как это вообще возможно после таких приключений.

Вдруг чувствую, как она начинает дёргаться под лентой — слабо, судорожно, ещё толком не проснувшись.

— О, вы меня уже решили и на органы разобрать?

— Таким мы не занимаемся, — говорю, аккуратно вводя иглу в кожу. — Лежи спокойно, иначе шов криво ляжет.

— Господи… что ты творишь?

— Зашиваю тебе рану.

— Ты это в первый раз делаешь?

— Нет, конечно, — я коротко усмехаюсь, не поднимая головы. — Не замёрзла?

— А тебе есть до этого дело? — голос у неё хриплый, злой, но в нём слышна и настоящая усталость. — Каневский же меня должен согревать. Ему какое дело до раны?

— Сама говоришь — товар нельзя портить. Вот я и чиню.

— Где Карина?

— Где-то в доме.

— Она в порядке?

— В полном.

— Я тебе не верю.

— Твоё право, — отрезаю нить, придирчиво осматриваю шов. Ровно, аккуратно, почти незаметно. — Всё. Шрама не останется.

— Клиент будет доволен, — в её голосе звенит горькая, ломкая ирония, за которой прячется что-то похожее на настоящее отчаяние. — Знаешь, я бы никогда в жизни не подумала, что могу стать проституткой. Ну то есть… я же вообще не формат.

— Ты стереотипно мыслишь, — стягиваю перчатки, бросаю их в контейнер. — Проституткой может стать совершенно любая женщина. Цвет, форма, рост — тут ничего не важно.

— Зачем ты всё это делаешь? — она смотрит на меня снизу вверх, и в этом взгляде нет уже прежней ярости — только усталое, почти детское любопытство. — Что вообще может сподвигнуть человека заниматься такими вещами?

Отвечаю не сразу. Смотрю на свои руки — чистые теперь, без единого пятна крови, хотя ещё десять минут назад были по локоть в чужой.

— Отсутствие морали. Тяжёлое детство. Деньги. Верность человеку, который когда-то спас тебе жизнь, — перечисляю ровно, будто зачитываю список покупок. — Выбирай, что больше нравится.

— И какой вариант твой?

Молчу секунду дольше, чем следовало бы.

— Пошли, — вместо ответа. — Тебе надо в душ, согреться. Не хватало ещё грипп подхватить перед сдачей.

Освобождаю её от ремней, помогаю подняться. Ногу она сейчас вообще не должна особенно чувствовать — анестезия ещё держит. Придерживаю её за талию, как вдруг всё тело пронзает вспышкой боли.

Смотрю на свою руку и вижу торчащий из неё скальпель.

А Марика уже ковыляет в сторону двери, придерживаясь за стену, оставляя на белой плитке мокрые следы.

— Сука, ты всё равно никуда не денешься!

Она вываливается за дверь и умудряется захлопнуть и запереть её снаружи прежде, чем я успеваю среагировать и вытащить скальпель, который она глубоко засадила.

И пока я, шипя сквозь зубы, обматываю руку бинтом, за стеклянной вставкой двери на мгновение мелькает её лицо — измождённое, торжествующее — и вздёрнутый средний палец.

Рванул за ней через другой выход, через служебный коридор, но когда добежал до основного холла — там уже пусто. Только гулкое эхо чужих голосов из глубины дома да хлопнувшая где-то далеко дверь.

Очень, блять, интересно, куда она собралась бежать в одном нижнем белье, босая, с недолеченной ногой, по дому, полному вооружённых мужиков и голых телок, запертых снаружи ворот под напряжением.

В руке пульсирует тупая, горячая боль. Бинт уже насквозь пропитался кровью, тёмные пятна проступают сквозь марлю быстрее, чем я успеваю их считать.

А я стою посреди пустого коридора и улыбаюсь, как последний идиот.

Потому что эта бешеная, безумная, совершенно невозможная девчонка нравится мне всё больше.

Врываюсь в пункт видеонаблюдения — тесная комната без окон, вечно пропахшая крепким кофе и чужим потом. Дежурный дёргается, порывается что-то доложить, но я уже впился взглядом в стену мониторов.

Вот она.

Восточное крыло, служебный коридор. Марика идёт быстро, прижимаясь к стене, оглядывается через каждые несколько шагов — босая, в чужой рубашке, наспех натянутой поверх белья, хромает на раненую ногу, но упрямо, зло прёт вперёд.

Проматываю по соседним камерам — и за каждой дверью, мимо которой она проходит, разворачивается один и тот же безумный праздник: тела, стоны, чей-то пьяный хохот под красными лампами. Она не останавливается ни у одной. Даже не смотрит.

Внутри что-то натягивается, как струна.

Азарт — вот что это. Настоящий, первобытный, тот самый, которого я не чувствовал уже целую вечность. Не работа, не привычное «поймать-сдать-забыть». Охота. И где-то на самом дне этого азарта — острое, почти пьянящее ощущение: я, кажется, впервые за долгие годы по-настоящему живой.

Срываюсь с места.

Вижу раньше, чем хотел бы.

Один из охраны — здоровый бугай по кличке Гвоздь, вечно торчащий у чёрного хода с сигаретой — уже её заметил. Отделяется от стены, где лениво курил, щелчком отправляет окурок в угол и двигается наперерез, неспешно, вразвалку. Не как к пленнице, которую нужно остановить и вернуть на место. Как к добыче, которая сама, по счастливой случайности, вывалилась прямо к нему в руки посреди ночи.

— Так-так, — тянет он, и я слышу это даже с расстояния, каждое слово отчётливо разрезает пустой коридор. — Куда это мы разбежались, кошечка? Ты почему не в клетке?

Марика вздрагивает, пытается отшатнуться, но нога подводит — она оступается, и этого хватает, чтобы он в два шага оказался рядом.

Хватает её за плечо — грубо, разворачивает к себе, будто вещь, а не человека. Вторая рука тянется ниже спины, по бедру, уверенно, по-хозяйски, как будто ему уже всё разрешено.

— Пусти! — она дёргается, шипит сквозь зубы, замахивается, но он только руку ей заламывает и разворачивает спиной, звонко шлёпнув по бедру. — Отпусти!

Он смеётся — низко, довольно, — прижимает её спиной к стене всем своим весом, вжимая, не давая вывернуться. Она успевает засадить локтем ему в рёбра — резко, от души, — но с тем же успехом можно бить кулаком в мешок с песком. Гвоздь только крякает и смеётся ещё громче, перехватывает её запястья одной рукой над головой.

— Сейчас поиграем с тобой и пойдёшь на цепь.

Что-то во мне обрывается.

Не помню, как преодолеваю оставшееся расстояние — коридор просто схлопывается в одно смазанное движение. Помню только тяжёлый, горячий выброс злости — не той расчётливой, привычной злости, с которой я живу годами, а какой-то совсем другой, слепой, звериной, — она заливает всё сразу, вытесняя и азарт погони, и голос разума, который ещё секунду назад подсказывал: не лезь, это не твоё дело, добыча твоя, а не эта.

Хватаю Гвоздя за шиворот и рву на себя с такой силой, что он отлетает от Марики, будто она вообще ничего не весит для меня в этот момент.

Впечатываю его в противоположную стену — глухой удар, из лёгких с шумом выходит воздух.

— Ты чего… — успевает выдавить он, ошалело моргая.

Не даю договорить.

Бью в челюсть — голова у него мотается назад, с губы летят брызги.

Он ещё пытается выставить руки, что-то промычать про «свои же, Тим, ты чего», но я уже не слышу слов, только тупой, тягучий гул в ушах и собственное дыхание, рваное, злое.

Второй удар — в скулу. Третий — в корпус, туда, где рёбра.

Он оседает, хватается за стену, а я уже не считаю, бью снова и снова, пока костяшки не начинает жечь, пока он не сползает вниз, оставляя на кирпичной кладке смазанный кровавый след.

Где-то рядом — звонкий, испуганный вскрик.

— Хватит, ты его убьёшь!

Кажется, это Марика. Кажется, это она кричит мне в спину, но в голове до сих пор гудит, и звук долетает будто сквозь толщу воды.

Останавливаюсь. Стою над обмякшим Гвоздём, тяжело дыша, чувствуя, как костяшки на правой руке пульсируют горячей болью, а по венам всё ещё разгоняется недорастраченная ярость.

Поворачиваю голову.

Марики уже нет.

Пустой коридор. Только распахнутая дверь чуть дальше покачивается на петлях, и с потолка мерно, противно моргает лампа дневного света.

— Твою мать, — выдыхаю, отпихиваю ногой обмякшее тело Гвоздя — тот глухо стонет, но не двигается, — и снова срываюсь с места.

Бегу на звук — короткий, испуганный писк где-то впереди, в сторону лестницы в подвал. Успеваю увидеть, как она оступается на верхней ступеньке и катится вниз, до самого низа, с глухим, страшным звуком.

Слетаю следом, перепрыгивая через две ступени.

Она лежит внизу, скрючившись, и по тёмному пятну, расползающемуся на бинте, сразу понимаю: шов разошёлся. Кровь снова идёт — быстро, слишком быстро для такой мелкой раны.

— Ты совсем, что ли, идиотка?! — рычу, падая рядом на колени, ощупывая ногу. — Куда ты вообще…

— Марика?

Голос — тонкий, надтреснутый, доносится откуда-то сбоку.

Поднимаю голову.

В неровном свете единственной лампы под потолком — огромные клетки с девушками. Блин, я даже не знал, что это выглядит так жутко.

Кто-то забился в угол, кто-то смотрит сквозь прутья пустыми, потухшими глазами.

— Господи… — шепчет Марика, приподнимаясь на локте, не обращая внимания на кровь. — Почему они тут?

Не отвечаю. Хватаю её подмышки, поднимаю рывком, тащу к лестнице — она слишком слаба, чтобы всерьёз сопротивляться, но у самой двери наверху вырывается из рук с неожиданной для её состояния силой.

— Почему они там?! — кричит, разворачиваясь ко мне лицом. — Что с ними будет? Тимур! Ну скажи мне хоть раз правду! Они умрут? Вы убьёте их? В той операционной, да? Ты лично этим занимаешься? Разрезаешь тела и выкидываешь в залив?

— Ты ужастиков пересмотрела? — говорю ровно, хотя внутри всё ещё колотится не до конца остывшая злость. — С утра их отпустят, отмоют, накормят. Они станут сотрудницами агентства Каневского. Оно работает по всему миру. Их ждёт большой успех.

— Ты мне врёшь.

— Зачем мне тебе врать? — усмехаюсь, устало. — Особенно сейчас, когда в твоей руке нет ни пистолета, ни скальпеля.

Она молчит, тяжело дыша, вглядываясь в моё лицо, будто пытается найти трещину во лжи.

— Они будут эскортницами, — добавляю. — Как и мечтали. Просто после небольшого приключения.

— Приключение? Ты это так называешь? — голос у неё срывается, — Зачем проводить их через такой ад, если они и так хотят быть экскортницами?

— Посвящение.

— Посвящение? — смотрит на меня так, будто я признался в чём-то невероятном. — Ты не шутишь сейчас? Вы больные, вы просто уроды, господи.

— Ничего нового ты не сказала.

Она замирает на мгновение, и я вижу, как в её глазах что-то щёлкает, встаёт на место.

— Карина, — выдыхает. — Она там? Я хочу к ней.

— Что?

— Моя сестра! — почти кричит. — Если она в клетке, я тоже хочу к ней! Ну что стоишь? Отведи меня туда!

— Ты целка, — напоминаю жёстко. — Тебя ждёт Каневский.

— Я не девственница.

— Что за бред. Карина говорила…

— Она не знает. У меня был парень. Мы переспали, он потом уехал, — говорит быстро, зло, глядя мне прямо в глаза.

— Враньё.

— Ну так осмотри меня. Проверь, если тебе так надо! Я не целка. Я хочу к сестре!

Что-то внутри меня медленно сворачивается — от обиды, от разочарования, такого нелепого, такого неуместного, что я сам не очень понимаю, что это. Будто кукла, которую мне

показали красивой и целой, вдруг оказалась с трещиной внутри, о которой я не должен был знать — и уж тем более не должен был из-за этого что-то чувствовать.

Тем более я просто курьер, не более, я просто должен доставить очередную куклу.

— Ладно, отведу тебя к сестре. Там тебя и осмотрят.

Подхожу вплотную, стягиваю пальцами её предплечье — не грубо, но и не церемонясь, — и тащу за собой, пока она хромает рядом, стараясь не отставать.

Идём медленно. Нога у неё почти не гнётся, каждый шаг отдаётся у неё в лице короткой гримасой, которую она старательно прячет, вздёргивая подбородок. Костяшки на моей правой руке уже начинают затекать, распухать — сгибаю пальцы в кулак и тут же разжимаю, отгоняя тупую пульсирующую боль.

Лестница наверх — длинная, три пролёта, с широкими ступенями, устланными когда-то дорогим, а теперь вытертым в проплешины ковром. Поднимаемся медленно. Она держится за перила одной рукой, другой вцепилась в мой локоть — не потому, что доверяет, а потому, что иначе просто не удержит равновесие. Дыхание у неё сбивается на каждом пролёте, но она упрямо молчит, не жалуется, только раз или два зло шипит сквозь зубы, когда раненая нога подворачивается на очередной ступеньке.

Гул в ушах у меня понемногу стихает. Возвращается привычная тяжесть в теле — усталость после драки, тянущая боль в костяшках, будто издалека доносящийся стук сердца, постепенно выравнивающийся с каждым пролётом.

— Ты его убил? Того, внизу?

— А какое тебе дело?

— Не знаю. Пытаюсь спасти твою душу, но всё время забываю, что у тебя её нет.

— Наверное, ты чувствуешь себя очень виноватой.

— Почему?

— Быть влюблённой в человека без души очень тяжело.

— Я не влюблена в тебя! Может быть, была, но всё рассеялось, как только я поняла, кто ты и что тут делаешь. Куда мы идём?!

— К Карине, куда ещё. Осталось немного.

Она поджимает губы, но подчиняется, снова наваливаясь на мою руку. Последний пролёт даётся ей тяжелее всего — дыхание с присвистом, лицо белеет ещё сильнее, и на середине лестницы она едва не оступается, повисая на мне всем весом на секунду дольше, чем нужно.

Придерживаю её крепче, не давая упасть, и на этот раз она не вырывается — то ли выдохлась настолько, что нет сил сопротивляться, то ли впервые за всю ночь позволяет себе на кого-то опереться.

Наконец добираемся до третьего этажа. Здесь тише, спокойнее. Оазис в аду этого дома.

Мы проходим коридор молча. Марика больше не смотрит по сторонам, будто силы кончились не только в ноге, но и в упрямстве, с которым она держалась всю дорогу.

Останавливаюсь у двери, стучу.

Она открывается, и выглядывает Карина, глаза которой становятся как два блюдца, а рот открывается в немом крике.

— Марика?! Марика?! — втягивает она девчонку, осматривает, ощупывает. — Тим, что она тут делает?

— Карина, ты в порядке? — сёстры обнимаются, а Карина смотрит на меня в непонятках.

— Она случайно тут оказалась, но обратного пути нет. Каневский её приметил.

— Что?

— Карина, ты хорошо выглядишь, — бормочет Марика, осматривая комнату, в которой всё как в лучшем отеле. Тоже клетка, но своеобразная. — Тебя не мучали?

— Как ты тут оказалась, Марика? Как?

— Костя… Они убили Костю. Он хотел нам помочь, а Катя… Она знала, что это за место, — бормочет Марика.

— Приведи её в порядок и объясни всё. И ещё, Каневский ждёт целку, а твоя сестра утверждает, что не целка. Короче — проблема.

— Выйди, — после паузы говорит Карина. — Я сама разберусь.

— Она видела клетки, — говорю, смотря как Марика оглядывается в полном недоумении. Осматривает комнату, шагает к окну.

— Блин… — Карина усаживает её на диван, садится перед ней на колени, а потом поворачивается ко мне. — Ну иди уже!

Глава 19

Марика

Дверь закрывается, и я наконец перестаю держаться. Слёзы текут сами, горячие, злые, и я не могу их остановить. Сползаю по стене прямо на пол, закрываю лицо руками.

Карина опускается рядом. Обнимает, прижимает мою голову к своему плечу и гладит по волосам. Совсем как в детстве, когда мне снились кошмары и я прибегала к ней в комнату.

— Тише, Марик. Тише. Я здесь.

— Карин… — Я поднимаю лицо, мокрое, с размазанной тушью. — Они там в клетках, Карин. В клетках, как животные. А в доме… — Меня передёргивает. — Там оргия. Все со всеми. Это просто ужас.

— Я знаю.

— Надо сообщить в полицию. — Я хватаю её за руки, сжимаю изо всех сил. — Прямо сейчас. Надо спасти тех, кто хочет, чтобы их спасли.

Карина смотрит на меня с какой-то усталой жалостью.

— Полиция в курсе.

— Что?

— Полиция в курсе, Марик.

— Быть не может. — Я мотаю головой. — Нет. Так не бывает.

— Бывает. Каневский всех купил. — Она горько усмехается. — Ты что, не видела, какие люди тут бывают? Чьи лица ты видишь по телевизору? Они приезжают сюда, чтобы потакать своим грязным наклонностям. И никто им не помешает, потому что те, кто должен мешать, сидят за соседним столом.

— Но мы должны хоть что-то сделать!

— Мы ничего не можем! — Она впервые повышает голос, и я вздрагиваю. Карина тут же выдыхает, сжимает переносицу пальцами. — Если мы дёрнемся, нас просто убьют. Закопают вместе со всеми, кто когда-то хотел пойти против Каневского. И никто даже не будет нас искать.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю, что она говорит не как человек, который это где-то услышал. Она говорит как человек, который это знает.

— Откуда… — Голос садится. — Откуда ты столько знаешь?

Карина долго молчит. Крутит браслет на запястье, будто он ей мал.

— В прошлом году я была на такой же вечеринке. Сидела в тех самых клетках.

— Что? Как? Когда? То есть… Почему ты мне ничего не рассказала?

— Потому что наутро мне предложили много денег и жизнь, о которой я и не мечтала. Помнишь, я говорила, что работаю в Турции администратором в отеле? — Она усмехается. — Не было никакого отеля, Марик. Был эскорт. Сначала казалось, что это просто деньги. Красивые ужины, яхты, подарки. А потом выясняется, что у компании есть огромная комиссия на весь доход. И в итоге я еще и оказалась им должна.

Я не могу выдавить ни слова. Пытаюсь совместить её с той Кариной, которая присылала мне фотографии моря и смешные голосовые.

— Когда я вернулась, всё было как будто чужое. Люди, разговоры, даже ты. Я улыбалась, а внутри было пусто. А потом появился Тим. — Её голос становится мягче. — Он единственный, кто знает, каково это. Ему не надо ничего объяснять.

— И поэтому ты с ним?

— Не только. Мне нужно подобраться к Каневскому. Ближе, чем кто-либо. Это единственный способ изменить мою жизнь. Нашу жизнь.

— Ты же сама сказала, что он…

— Чудовище. Да. — Она поднимает на меня глаза. — У него связи везде, и он никого не щадит. Никого. Поэтому я сейчас пойду к нему и попробую вытащить тебя отсюда.

Она встаёт, поправляет платье. Я ловлю её за руку.

— А как же другие? Те девчонки в клетках?

Карина на секунду отводит взгляд.

— Они пришли сюда сами.

— Не похоже, что они были рады ночным погоням, групповым изнасилованиям и клеткам.

— Они просто пройдут через это и будут жить дальше.

— А ты смогла? Жить дальше?

Пауза. Слишком длинная. Карина молчит, а потом касается моей щеки и почти улыбается.

— Тим помогает, — тихо говорит она. — Он, как и ты, никогда меня не осуждает. Даёт свободу и не пытается контролировать. За это я его и люблю. Тем более он прямой наследник Каневского. Тот ему доверяет. Тим ему почти как сын.

Какой кошмар.

Она целует меня в висок и уходит. Дверь закрывается мягко, почти беззвучно, и от этого становится только страшнее.

Проходит почти полчаса. Я мечусь по комнате от окна к двери и обратно. В голове крутится всё сразу: Турция, «яхты», лицо Карины, когда она говорила «никого». Наконец я не выдерживаю и иду в душ. Мне кажется, если я постою под горячей водой, станет хоть немного легче. Хоть немного похоже на обычный вечер обычной жизни.

Вода шумит, стекло кабины запотевает. Поэтому я не сразу слышу, как открывается дверь.

Тим стоит на пороге ванной. Просто стоит и смотрит. Я дёргаю дверцу кабины, чтобы закрыть её, но он перехватывает её рукой и не даёт.

— Чего тебе? — Голос предательски дрожит. — Ты Карину не видел?

— Видел. Она у Каневского. Пыталась тебя вытащить, но всё бесполезно. Она глупая, ляпнула, что ты целка. — Он чуть склоняет голову. — Значит, ты мне врала.

Я молчу. Вода стекает по лицу, и хорошо, что по нему не видно слёз.

— Так что выходи. Он ждёт тебя. Не придёшь — он просто её грохнет.

— А тебе плевать? Ты ничего не будешь делать?

— Я не герой. Я просто курьер. Собирайся.

— Выйди. — Я обхватываю себя руками.

— С чего бы. Я хочу смотреть.

— Выйди, пожалуйста! — кричу я сквозь слёзы. Он не поможет. Никто не поможет. — Дай мне хоть несколько минут почувствовать себя нормальной.

— Нормальность. Кто бы мне сказал, что это такое. — Он хмыкает, но отпускает дверцу и отворачивается.

Нормальность. Я была нормальной до этой ночи. У меня был друг, была сестра, её парень. Я думала только о том, чтобы сестра не узнала о моих чувствах. Как бы сдать экзамены. И точно никогда не думала о том, что нужно сделать, чтобы выжить. Кем нужно стать, чтобы выжить. А моя сестра задаётся этим вопросом уже год, а может, и гораздо дольше. Она спасала меня не раз. Она скрывала от меня правду, чтобы уберечь, а я всё равно в это влезла, пусть и не по своей воле. И всё, что я могу сделать сейчас, — это попытаться вывернуть ситуацию. Сыграть на том, чего хочет каждый маньяк. А в том, что Хантер маньяк, я почему-то не сомневаюсь.

Он уже почти выходит, когда я бью ладонью по крану.

Вода резко стихает, и в тишине мой голос звучит громче, чем я рассчитывала:

— А ты не устал быть курьером?

— Меня устраивает.

— Не верю, что тебе не хочется получить власть. Власть решать, кому жить, а кому умирать.

Он останавливается.

— Не пресмыкаться перед извращенцем, а самому стать главой этого вертепа.

Это может не сработать. Он может просто послать меня куда подальше. Но я должна попытаться. Сделать хоть что-то.

Тим медленно поворачивается.

— Если ты думаешь, что ради тебя я убью своего наставника…

— Не ради меня. Ради того, чтобы самому решать, что и когда делать. С кем спать. Кого убить.

— Я ему обязан.

— Он спас тебя не потому, что он хороший. А потому, что решил сделать из тебя марионетку. — Слова сыплются сами, я уже не могу их остановить. — Сколько ещё людей должно пострадать, чтобы ты с ним расплатился? И где гарантия, что твоя жизнь не сложилась бы лучше, если бы ты его вообще не встретил?

— Я бы уже сидел. По малолетке.

— Но ты и так в тюрьме! Просто она другая. И пожизненная. А если ты хоть раз его ослушаешься, то просто сдохнешь или станешь такой же шлюхой, как все мы.

Его челюсть напрягается.

— Что ты от меня хочешь? К чему эта тирада?

— Ты можешь всё изменить. Не Карина, не эти богатые уроды внизу. Ты.

— Хрень собачья. Я ничего не могу.

— Можешь. — Зачем-то я делаю шаг из кабины, ближе к нему. Кафель холодный, но я этого почти не чувствую. — Только ты и можешь. Сотни девушек сами мечтают о карьере в эскорте. На этом можно зарабатывать, не потакая больным желаниям одного ублюдка. Ты можешь стать главным. — Я не знаю, что ещё сказать. — Ты можешь получить не объедки с его стола, а всё.

— Например?

Я сглатываю. Во рту пересохло, хотя с волос до сих пор капает вода.

— Например, мою девственность. — Голос срывается на последнем слове, и я ненавижу себя за это. — Ты же думал об этом?

Тишина.

Тим не двигается. Совсем. Даже не моргает. Только смотрит, медленно, тяжело, так, будто видит меня впервые. Не голую девчонку в чужой ванной, не сестру своей девушки, не очередной товар для Каневского. А что-то другое. Что-то, что он не может сразу разложить по полочкам.

Взгляд опускается к моим губам. Задерживается на секунду дольше, чем должен.

Я вижу, как дёргается кадык. Как он втягивает воздух через нос, коротко, резко, словно сдерживает то ли смех, то ли что-то совсем другое. На скулах проступают желваки.

И мне вдруг становится страшно по-настоящему. Не от того, что он может сделать. А от того, что я, кажется, попала.

Он отрывается от косяка. Делает шаг ко мне. Ещё один. Останавливается так близко, что я чувствую тепло его тела и запах сигарет. Наклоняется. Я перестаю дышать.

А потом он усмехается. Криво, зло, одним уголком рта, и что-то в его глазах захлопывается, как дверь.

— Предать названого отца ради кусочка плевы? — Он произносит это тихо, почти ласково, и от этой интонации у меня леденеет спина. — Не смеши.

Он выпрямляется. Окидывает меня взглядом с головы до ног, медленно и нарочито оценивающе, как вещь на витрине.

— Ты этого не стоишь.

Слова бьют наотмашь. Я знала, что он может так сказать. Но почему-то всё равно не была готова.

Тим отворачивается первым. Слишком быстро для человека, которому действительно всё равно.

— Одевайся давай. — Он трёт лицо ладонью и бросает через плечо: — Я уже насмотрелся на твои сиськи.

— Значит, я ошиблась.

— В чём ты, нахуй, ошиблась?

— Я влюбилась во властного мужчину, который что - то решает в своей жизни, а ты оказался просто трусливым мальчишкой, который до сих пор по ночам плачет о мамочке, которая его бросила.

Он срывается и хватает меня за щёки.

— Тебе мало досталось в прошлый раз? Хватит меня анализировать! Ты нихрена про меня не знаешь. Либо ты оденешься, и я отведу тебя. Либо поведу так и заставлю сосать каждому встречному охраннику.

Дёргаю головой и иду мимо него. Натягиваю первое, что попадается: платье почти в пол, но с таким вырезом на спине, что я чувствую, как холодит ягодицы.

— Волосы высуши.

— Не хочу.

— Марика, я не спрашиваю, чего ты, блять, хочешь. Просто сделай и пойдем уже, если не хочешь найти свою сестру в той же клетке.

Глава 20

Коридор кажется бесконечным, вытянутым, как кишка. Липкие, тяжёлые от пота и холодной воды пряди мокрых волос мерзко прилипают к голой спине, а каждый шаг отзывается в висках дикой, тупой пульсацией, будто внутри черепа кто-то бьёт молотком по ржавому железу. Хантер идёт чуть позади. Я не вижу его — зрение сузилось до тошнотворного туннеля, — но физически, кожей ощущаю этот взгляд между лопаток. Он тяжёлый, свинцовый, как чужая ладонь, лежащая на затылке перед плахой.

Перед массивной дубовой дверью он останавливается. Стучит дважды — коротко, без стука в дверь, а как хозяйский хозяин.

— Входи, — доносится изнутри, глуховато, но уверенно.

Комната оказывается огромной, душной и неестественно тёплой. В нос сразу ударяет густой, тошнотворный микс из дорогого, терпкого табака, дешёвого потного возбуждения и выдержанного коньяка. Горящий камин бросает на стены зловещие алые блики, выхватывая из полумрака тяжёлые бархатные шторы и массивные кожаные кресла. Точь-в-точь дешёвая эротическая драма из телевизора. Только я отчаянно ищу глазами сестру — Карину, цепляюсь взглядом за каждый угол, за каждую тень.

Её здесь нет. Пусто.

— Где моя сестра? — голос звучит жалко, срывается на сиплый писк.

Каневский сидит в глубоком кресле прямо у огня, лениво вытянув длинные ноги в дорогих брюках. Он даже не спешит отвечать. Медленно, с показной грацией покачивает бокал, наблюдая, как янтарная жидкость омывает стенки, и смотрит на огонь.

— Отдыхает, — наконец роняет он, не поворачивая головы. — Она сегодня очень старалась. За тебя просила. Трогательно… почти до слёз.

Он поднимает на меня тяжёлые, тусклые глаза. Я впервые вижу его так близко, без сценического лоска и масок. Обычное, потрёпанное жизнью лицо. Седина аккуратными перьями на висках, безупречная щетина, сеть мелких, глубоких морщинок у глаз — такие бывают у людей, которые привыкли много и фальшиво смеяться. Если бы я столкнулась с ним на заправке или в магазине, ни за что бы не поверила, что перед мясник.

— Подойди.

Ноги наливаются свинцом, отказываются слушаться. Я стою, вжавшись пятками в паркет. Сзади раздаётся глухой, влажный щелчок — дверь закрылась. Хантер остался у стены. Руки в карманах, плечом подпирает косяк. Не уходит.

— Я сказал, подойди.

Тело предаёт меня раньше, чем мозг успевает отдать приказ. Три шага. Четыре. Я останавливаюсь в шаге от его кресла, чувствуя, как от каминного жара плавится кожа на лице. Он медленно, с омерзительным предвкушением ставит бокал на низкий столик.

— Красивая, — он встает, возвышаясь надо мной мощной, оплывшей жиром тушей. Обходит меня по кругу, медленно, шарик за шариком, как педантичный покупатель осматривает битую машину на рынке перед тем, как сбить цену. — Совсем не похожа на сестру. Та сразу просекла фишку, поняла, как этот мир устроен. А ты всё дёргаешься, брыкаешься. Глупая. Хотя… в этом даже есть свой извращённый кайф.

Его влажные, пахнущие табаком пальцы касаются моего плеча. Брезгливость подкатывает к горлу липким комком. Одним резким движением он подцепляет тонкую бретельку платья.

— Не надо, — срывается с губ жалкий, сорванный шёпот.

— Надо, девочка, надо, — в его голосе слышится сытое, плотоядное умиротворение. Бретелька со щелчком скользит вниз, открывая плечо. Следом падает вторая. — Ты ведь именно за этим сюда и пришла. Сама пришла.

Ткань платья с глухим, сухим шелестом оседает к моим ногам, оставляя меня совершенно беззащитной, голой в этом чужом, оранжевом от пламени аду. Я инстинктивно скрещиваю руки на груди, пытаясь прикрыть живот, и тупо пялюсь в пол. На полированный паркет, на его начищенные до зеркального блеска туфли, на пылинки в воздухе — на что угодно, лишь бы не видеть его лицо. И особенно — не смотреть в тот угол, где неподвижной тенью застыл Хантер.

— Нет-нет, глаза на меня поднимай. — Его шершавая ладонь грубо хватает меня за подбородок, с силой вминая пальцы в кожу, задирает лицо вверх. — Или на него. Ты же на него таращишься весь этот долбаный вечер, а? Думала, старый дурак ничего не заметит?

Внутри всё обрывается, проваливаясь в ледяную пропасть. А чего ты ждала, Марика? Что придет герой и спасет тебя? Никто, никто не придет. И тебе придется отсосать этому старому уроду, чтобы выжить, чтобы спасти сестру.

— Я всё вижу, девочка. Как ты на него зыркаешь. Нравится он тебе. Ну конечно нравится. Он всем нравится. Я его таким и вылепил.

Он с силой поворачивает моё лицо в сторону Хантера, фиксируя голову намертво, не давая отвернуться или зажмуриться.

— Смотри, сынок. Любуйся. Она по тебе сохнет, дурочка.

Хантер не шевелится. Стоит, прислонившись лопатками к стене, глубоко засунув руки в карманы тёмных брюк. Лицо — застывшая гипсовая маска. Ни тени эмоции. Ни злости, ни презрения, ни капли жалости. Абсолютная, пугающая пустота, будто перед ним не живой человек, а элемент интерьера.

— Не переживай, малышка, — Каневский влажно наклоняется к самому моему уху, обдавая щеку перегаром и жёлчным теплом. — Когда я с тобой наиграюсь, и ему перепадёт. Если он хорошо попросит. Правда, сынок?

Меня начинает бить крупная, неконтролируемая дрожь. Она идёт не от холода — из самого живота, из желудка, который сжимается в тугой, колючий узел. Тошнота подступает к горлу горячей, кислющей жижей.

Он отпускает мой подбородок, но тут же перехватывает за плечо. Тяжёлая, давящая ладонь опускается на тело, вминая меня в пол. Колени подламываются от резкой боли, суставы хрустят, и я падаю прямо на ворсистый, дорогой ковёр.

Сквозь звон в ушах отчётливо, чудовищно громко раздаётся металлический звень — лязг пряжки ремня.

Нет. Нет-нет-нет. Только не это. Пожалуйста.

Я судорожно отшатываюсь назад, пытаясь оттолкнуться пятками, но его пальцы уже впиваются в волосы на затылке, накручивая пряди на кулак, натягивая кожу до искр из глаз. Держит намертво, как трофей. Второй рукой, широкой и тяжёлой, он резко зажимает мне нос, перекрывая кислород.

Воздух исчезает мгновенно. Слишком быстро. В груди вспыхивает огненный пожар, в глазах начинают бегать назойливые чёрные мушки, а в ушах нарастает удушливый гул.

Я бешено дёргаюсь, цепляюсь ногтями за его дорогие брюки, царапаю кожу, корябаю материю, пытаюсь бить ногами, но он лишь утробно смеется где-то надо мной, уверенный в своей абсолютной власти.

— Ну же. Хватит ломать комедию. Рано или поздно тебе всё равно придётся открыть ротик и понять кто теперь твой хозяин.

Я терплю. Держусь из последних сил, сжигая последние молекулы кислорода в крови. Секунду. Ещё секунду. Мир вокруг сужается до одной точки боли.

А потом паника побеждает. Губы размыкаются.

И в тот же миг я сжимаю зубы. Из всех оставшихся сил, с дикой, животной яростью загнанного зверя, так, как никогда в жизни ничего не сжимала — вкладывая в этот укус всю боль, весь страх, всю мерзость этого вечера.

Во рту мгновенно становится горячо, густо и омерзительно солоно. Металлический вкус крови заливает язык.

Над ухом разрывается дикий, нечеловеческий вопль — высокий, срывающийся на визг, совершенно не похожий на голос того уверенного хозяина жизни, который только что сидел в кресле. Каневский мгновенно шарахается назад, отдирая меня от себя с такой силой, будто я раскалённый уголь. Меня отшвыривает в сторону, я падаю на бок, ударяясь плечом о ножку кресла, и захлёбываюсь кашлем.

Горло дерет. Я давлюсь собственной и чужой кровью, брызгая слюной, и исторгаю её наружу, сплёвывая прямо на ворс роскошного ковра. Кровь везде. На моих дрожащих пальцах, на подбородке, тонкими струйками стекает по голой груди, капает на паркет.

Каневский катается по полу в нескольких шагах от меня, скрючившись в три погибели, зажав пах обеими руками. Его белоснежная рубашка в районе живота и паха мгновенно пропитывается тёмным, расползающимся пятном. Дорогой ковёр вокруг него становится багровым.

— Сука!.. — он воет, захлёбываясь собственной слюной и булькающей болью, лица почти не видно за волосами. — Тварь конченая!.. Хантер! Убей её! Убей эту грёбаную суку, застрели!

Я судорожно, на четвереньках отползаю назад, пока спина с размаху не упирается в ножку тяжёлого кресла. Поднимаю затуманенный, липкий от слёз взгляд.

Хантер стоит ровно там же, где стоял. Не сдвинулся ни на миллиметр. Руки по-прежнему в карманах. Смотрит.

Только не на меня. На корчившегося в луже крови босса.

Каневский из последних сил цепляется окровавленными пальцами за ворс ковра, подтягивая своё обмякшее тело к туфлям Хантера, оставляя за собой жирный алый след. Тянет дрожащую руку вверх.

— Ты… оглох?.. — хрипит он, выплёвывая сгустки крови. — Убей её, я приказываю! Сынок… Кончи её!

В этот момент в массивную

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.